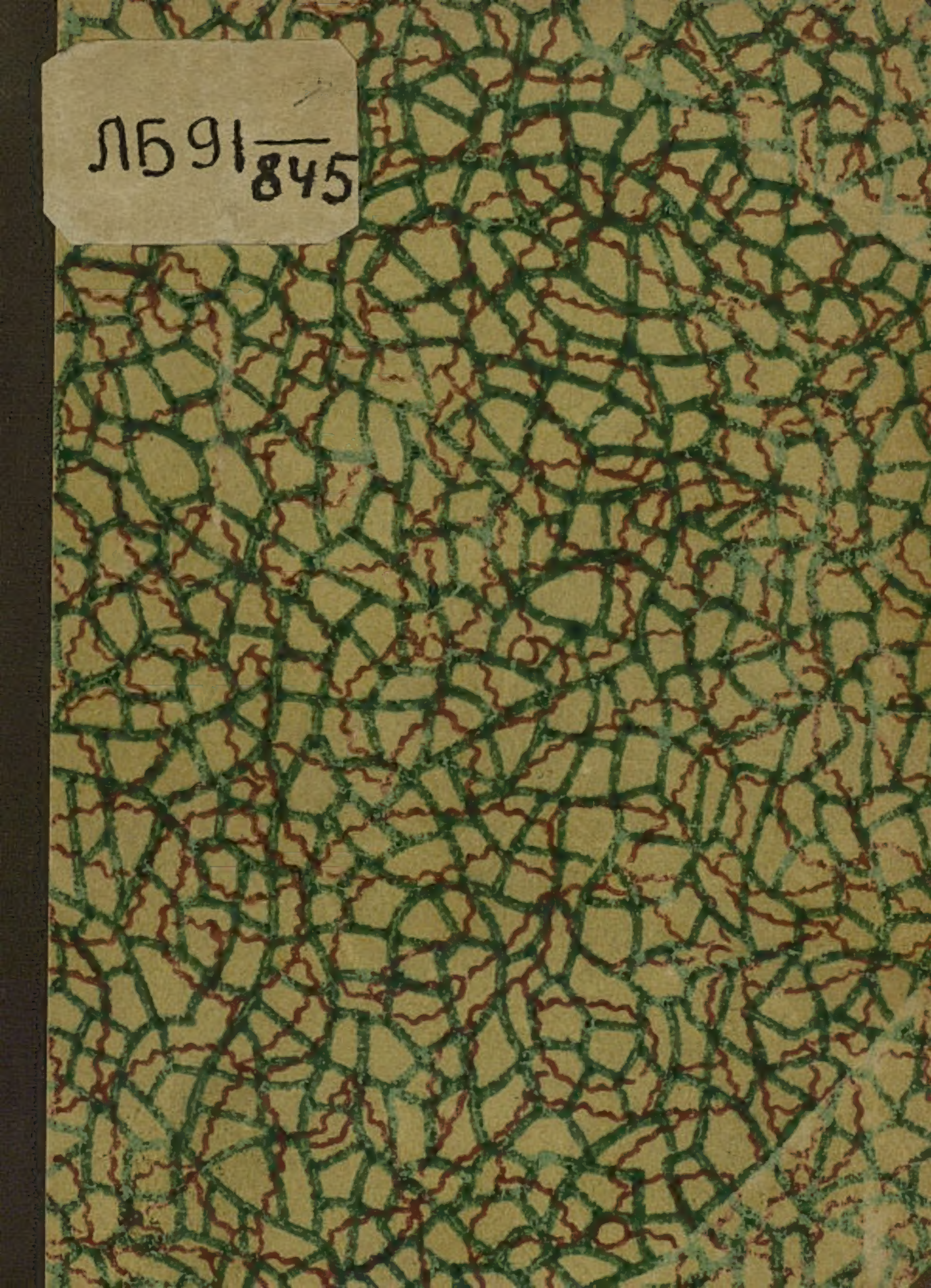
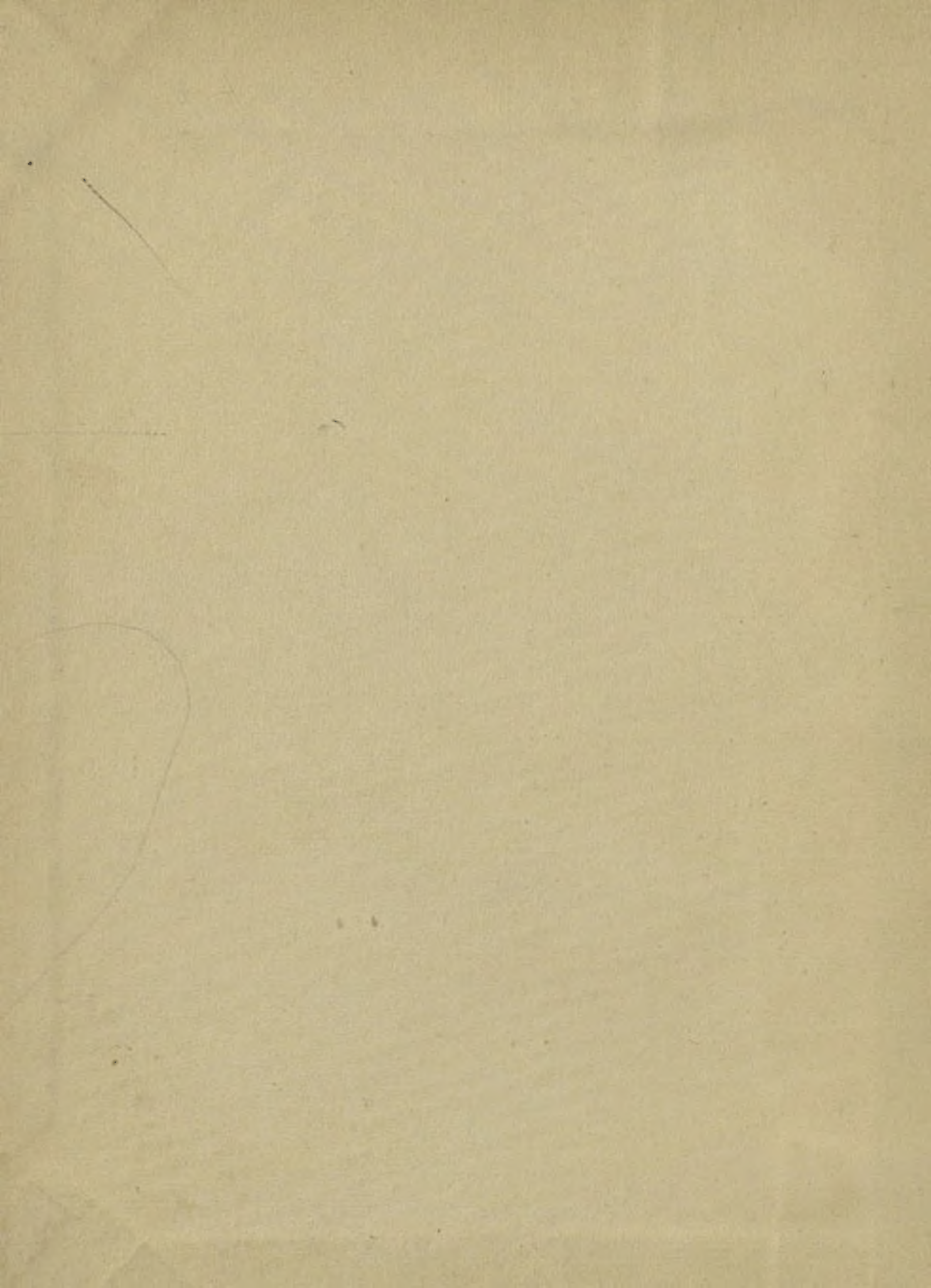

ЛБ91/845



ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ И ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ГУДОК»

Н. РОСТОВ

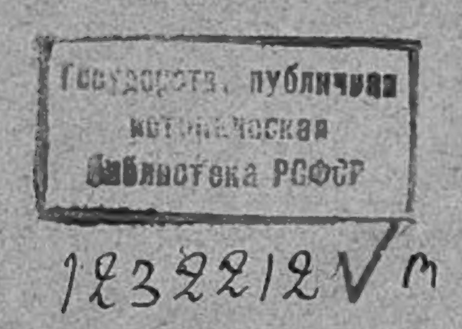
МЯТЕЖНАЯ РУСЬ

СТЕПАН РАЗИН и ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ

Популярно-исторический очерк с иллюстрациями

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ГУДОК»
МОСКВА — 1928

ОТПЕЧАТАНО В ТИП. «ГУДОК»,
УЛИЦА СТАНКЕВИЧА, 7.
В КОЛИЧ. 50.000 ЭКЗ.
ГЛАВЛИТ № А5258.
ЗАКАЗ № 840.



ПРЕДИСЛОВИЕ.

Десять лет тому назад, на наших глазах завершился вековечный спор между двумя классами русского общества — крестьянами и помещиками. Ушла в вечность дворянско-помещичья Русь, подавлявшая крестьянство, опираясь на свое крупное землевладение. Основная причина борьбы, длившейся ряд столетий, — земля — отошла к крестьянам. Вместе с классом помещиков ушел в небытие и тот политический строй, который в продолжение всей русской истории был их верным защитником. Победа эта явилась результатом общей революции в стране. Только опираясь на эту революцию, крестьянство оказалось в состоянии победить своих врагов. До этого все попытки крестьян освободиться от ига помещиков неуклонно терпели поражение. Уже в глубине седой старины мы видим отчетливо все признаки этой борьбы. Она велась изо дня в день, не раз выливаясь в огромные мятежи, охватывавшие обширные районы. Восстания эти порой потрясали все государство до самых его основ. Оставаясь изолированными, чисто крестьянскими, не встречая помощи во всей стране,

они в конце концов бывали жесточайшим образом подавляемы. Но ни горы трупов, ни дымящиеся пожарища, ни развешанные по столбовым дорогам за ребра мятежники не были в состоянии внушить крестьянам любовь к своим угнетателям, не смогли примирить их с собственным бесправием. Они продолжали волноваться, лишь изменяя формы борьбы, однако всецело подчиняясь стихийности ее характера. В крестьянской среде, чуть ли не до наших дней, не было прочных революционных организаций. Здесь была полнейшая противоположность тому, что мы наблюдаем в среде рабочего класса. Поэтому и победа досталась крестьянству в итоге союза с рабочими. Участь помещиков была решена в тот момент, когда этот союз стал фактом. 1917 год лишь завершил процесс, начавшийся не менее трехсот лет тому назад. В истории нашего прошлого эта многовековая борьба представляет выдающийся интерес. Прежде всего в результате изучения крестьянских движений мы видим, как от всего исторического здания, построенного историками эпохи монархии, не остается камня на камне. Не мир и благоденствие, как учили они, а нескончаемая, страшная борьба — вот что заполняло жизнь русского народа в прошлом. Из этой борьбы в настоящем очерке мы выделим два наиболее трагических момента, оставивших глубокие следы в народном сознании, в его былинах, сказаниях.

Мы говорим о движениях, связанных с именами Степана Разина и Емельяна Пугачева. Память о них и поныне жива в тех краях, где некогда, освещенные

гигантским пожарищем, проходили их мятежные толпы. Мы дадим главарей этих восстаний на фоне условий того времени в обстановке, породившей их, ибо не они вызвали, создали эти движения, а сами были выдвинуты ими, подняты на гребне исторической волны, чтобы вскоре погибнуть в пучине этого же моря.

В свое время эти движения были несомненно революционными, несмотря на их внешний монархический характер. Дело не в тех или иных лозунгах, а в сущности самих восстаний. Последнее же было типичным выступлением угнетенных против угнетателей, рабов против рабовладельцев, обездоленных против эксплоататоров. И только благодаря тому, что класс имущих оказался более организован, располагая аппаратом государственной власти, эти народные движения были подавлены.

ЧАСТЬ I.

I.

Вольное казачество.

Русское крестьянство, как и его собратья в Европе, в крепостной зависимости очутилось не сразу. В начале вольные пахари, они в ходе экономического развития страны постепенно теряли свои имущественные права в пользу более сильных групп, каковыми были в те времена князья, да бояре. Из этого процесса выросло политическое бесправие крестьянства, впоследствии доведенное до полного отрицания за ним всяких человеческих прав. Крестьянин превратился в обыкновенную собственность владельца, наравне со всяким скарбом и домашним скотом. При чем рыночная стоимость двуногой собственности стояла гораздо ниже, нежели хотя бы лошади. А обращение с крепостными было таково, что они искренно завидовали скоту. Трудно было человеку примириться с таким положением. Естественно, что мысль крепостных вечно работала в одном направлении, в поисках выхода из него. С течением времени таких

выходов выработалось два — либо бегство от помещика на границы государства, где имелись обширные незаселенные области, либо в восстании и свирепой расправе с барином попытаться освободить себя. Но последнее требовало от раба многого, никогда почти не давая положительных результатов. Вместо убитого барина, всегда являлся другой, а с мятежными холопами расправа была свирепа. Совсем иное дело было бегство. Уйдя из-под непосредственного начала государства, вчерашний холоп становился свободным. Бич рабовладельца уже не был властен над ним и его трудом.

В те далекие времена южная Россия была мало населена. Московская Русь концентрировалась главным образом вокруг столичной области. Еще в XVI столетии пограничная полоса начиналась по линии средней Волги, на Рязань и Тулу. Дальше простирался обширный край, леса которого кишели зверьем, а реки рыбой. Только жилье человеческое встречалось чрезвычайно редко. Туда и уходили все те, кому жизнь на родине становилась невмоготу. Следует заметить, что убегали не одни крепостные. Среди степного раздолья можно было встретить и людей других званий, которых влекла вольная жизнь. Там они промышляли кто зверьем, кто рыбой, но чаще всего нападениями на степных кочевников. Весь Крым в ту пору был населен татарами, создавшими там собственное царство. Отсюда верхами они выходили в степи, нападали на русские поселения, грабили, забирали женщин и детей в полон, пожаром и

смертью отмечая каждый свой шаг. Вот за этим татарином в степи и охотилась русская вольница. Это создавало им ореол борцов против угнетателей. Недаром в песнях говорили они о себе —«мы не воры, не разбойники, мы удалые добры молодцы».

С течением времени эти «удалые добры молодцы» стали концентрироваться на берегах многоводного Дона, который еще в XVI веке был совершенно необитаем. Здесь, в низовьях реки, появились их первые городки, положившие основание «казачьему войску».

Слово «казак» не русское, а татарское. Оно означало наездник, беглец, разбойник. В XV веке в средней Азии султанами Джучидама было создано целое государство—«Казацкая орда». Населявшая эту орду народность и поныне сохранилась под названием киргизов. Только в наши дни киргизы снова переименованы в казаков, а населяемая ими область теперь именуется Казакстан. Термин казак от татар в XIV веке перешел к русским. Казаками называли людей без определенных занятий, батрачивших по крестьянским дворам. Позднее казаками стали называть вольных, гулящих людей, уходивших на промысел, в степи. Про них говорили, что они «ушли казаковать». Как организованная социальная группа, казачество появляется в русских летописях в 1444 году, когда они с успехом участвовали в обороне Рязани от налета татар. Степная жизнь, полная опасностей и тревог, выработала в них смелых и мужественных воинов, умевших ценить чувство товарищества и ненавидеть всяческое рабство.

Осевши на Дону, казаки создали здесь своеобразную государственность, совершенно лишенную всех тех черт, из-за которых они покинули родные края. В первую голову здесь не знали ни крепостного права князей и помещиков, ни угнетения царской власти. В этом отношении чрезвычайно показательны взгляды казаков на земледелие. Поскольку с этим занятием были тесно связаны государственные повинности в Московской Руси, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и крепостное право, земледелие на Дону совершенно воспрещалось. В одном из решений войскового круга от 1690 года прямо говорилось «чтоб никто нигде хлеба не пахали и не сеяли, а если станут пахать и того бить до смерти и грабить». Это решение было вызвано сведениями о том, что по Хопру и Медведице беглые крестьяне завели пашни.

Отсутствие земледелия лишало казачество всякой оседлости, делало его подвижным. Главными источниками существования казачества было рыболовство, охота и скотоводство. В погоню за зверем казаки забирались вглубь степей. Шкуры и рыба обыкновенно менялись на хлеб у северных купцов. Но эти легальные занятия отнюдь не покрывали весь казацкий бюджет. Недостававшее пополнялось правильно организованным грабежом и разбоем. Об'ектом налетов служили соседние народы — татары, турки, ногайцы. Экспедиции за добычей на казацком языке назывались «ходить за зипуном». Ходили они и верхами и морем. Последние совершались в более широких раз-

мерах, доставляя больше всего «зипунов». На своих утлых судах—стругах—они спускались вниз по Дону, пробирались в Черное море и нападали на крымские и турецкие берега. Помимо ценных вещей, казаки старались захватывать в полон как можно больше мусульман — женщин и детей. Последняя добыча именовалась «ясырем» и служила двояким целям. Ясырь продавался на московском рынке и в то же время его можно было обменивать на русских пленников. Вся добыча поровну делилась, или как говорили казаки «дуванилась», между всеми участниками налета. Несмотря на откровенно материальный характер своих походов, казаки однако видели в них не простой грабеж, а известную удаль, молодечество: «мы», распевали они, «веслом махнем, красну девицу возьмем, кистенем махнем — караван собьем».

Грабеж далеко не ограничивался одними походами против мусульман. Часто казацкие отряды нападали на караваны русских торговцев и казны. Излюбленным местом этих налетов была Волга, бывшая в ту пору самым крупным торговым путем. По ней Московская Русь вела обширную торговлю с Востоком, преимущественно с Персией, которая тогда владела почти всем Кавказом. Свои струги казаки волоком перетаскивали в том месте, где Волга ближе всего подходит к Дону. Ограбив несколько караванов — судов, казаки возвращались на Дон, где безнаказанность была для них уготовлена несокрушимыми обычаями войска. Часто вместе с имуществом они заби-

рали с судов и рабочих — «ярыжников», уводя их на Дон.

Случалось, что напав на караван и ничего там не найдя, они пред'являли владельцам те или иные требования. В этом отношении их «подметные» письма поразительно напоминают те приговоры, которые рассылались всевозможными налетчиками (часто именовавшими себя анархистами) состоятельным людям в годы нашей первой революции. В донских архивах сохранилось одно такое подметное письмо, адресованное владельцу рыбных промыслов Ивану Турченину — «от атамана Парфения Ивановича и от всего войска Донского и Яицкого. Были атаманы-молодцы на твоем учуге, а на учуге твоем ничего нет. И приказали атаманы-молодцы выслать 50 ведер вина, 10 пудов патоки, 50 мехов пшеничной муки, да земли и опоки, что серебро льют. А вышли де на Четыре Бугры, а буде не вышлешь и атаманы-молодцы хотят оба учуги выжечь у Вару и у Рустубу, да и насадом *) вашим по Волге не ходить. А буде ты Иван станешь бить челом воеводе и ты на нас не пеняй».

В своей внутренней жизни казаки выработали известные нормы управления и общежития. Все дела решались кругом, который избирал голов и атаманов. Законы московского государства на Дону не признавались. Уже в XVI веке известный посольский дьяк Г. Катошихин писал — «и дана им на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя атаманов

*) **Насады — баржи.**

и иных избирают и судятся во всех делах по своей воле, а не по царскому указу. А кого случится им казнить за воровство, или за иные дела и не за крепкую службу и тех людей, посадя на площади расстреляют сами, также будучи на Москве, или в полках, кто что сворует, царского наказания и казней не бывает, а чинят они меж собою сами же».

Общее количество казачества описываемой эпохи историками исчислялось не выше десяти тысяч. Тем не менее эта горсточка сумела из района Дона распространиться на Яик (ныне Урал) и дальше на восток, в дебри далекой Сибири. Беспрерывные военные столкновения уносили много жертв. Но общие условия народной жизни в царской Руси были таковы, что недостатка в беглецах никогда не было.

В казачество уходили не одни русские. Мы встречаем на Дону татар, поляков, даже турок. Обыкновенно мусульмане принимали православную веру и быстро сливались с общеказачьей массой, становясь крепко спаянным организмом. Не будучи в состоянии покорить казачество под нози, царская власть поневоле вступала с ними в договорные отношения, в то же время стараясь использовать эту силу для охраны границ. Но казачество не особенно свою деятельность сообразовывало с видами и нуждами московского правительства. На этой почве и происходили частые столкновения.

Разбойничья деятельность казаков у турецких берегов вынуждала правительство султана принимать против них решительные меры. После каждого на-

лета московское правительство обыкновенно отрекалось от казаков, именуя их «ведомыми ворами», не состоящими в царском подданстве. Султану обещался царский нейтралитет, буде он вздумает «извести казаков». Тогда турки приняли ряд оборонительных мер. Прежде всего они закрыли выход из Дона в Черное море. Для этого у устья реки, в том месте, где находится город Азов, была выстроена крепость, состоявшая из двух башен на обоих берегах, вооруженных артиллерией. Сама река была преграждена цепью. Тщетно, чуя беду, казаки набегами пытались помешать этой работе, а затем овладеть укреплениями. Для Донского войска настали трудные времена, ибо «зипунов негде было взять». В поисках за этими «зипунами» внимание наиболее предприимчивой вольницы устремилось в другую сторону — на Хвалынское (ныне Каспийское) море, где находились владения друга московского государя, шаха персидского. Если грабеж и разорение турецких берегов молчаливо благословлялись Москвой, так как Россия была с Турцией в состоянии нескончаемой войны, то совсем иначе рассматривались там налеты на персидские берега. Здесь казаки наталкивались не только на сопротивление ограбляемых. Солидарно с персами против них выступали и стрелецкие войска московского государя. В этих столкновениях и началась эпопея Степьки Разина.

II.

Выступление Стеньки Разина.

По мере роста и развития казачьих поселков (станиц) на Дону, видоизменялись и условия их быта. В XVII веке мы уже наблюдаем известное расслоение в их среде. Произошло это, главным образом, благодаря ряду побед, одержанных московскими войсками над турками, отодвинувшими их границы далеко на юг. Меньше стало поводов для столкновений. Казачество имело возможность больше времени уделять мирному труду. Характерным показателем в этом отношении служит опять-таки земледелие. Оно уже не было гонимым занятием. Давно осевшие казаки занимались им наравне с рыбной ловлей, что давало возможность создавать крепкие хозяйства. Появились так называемые домовитые казаки, фактически сосредоточившие власть в своих руках. Все беглые обыкновенно находили у них работу, поступая к ним батраками. Таким образом, в итоге экономического процесса появилось новое «голутвенное казачество», рекрутировавшееся из беглой голытьбы. Эти голутвенные казаки выполняли для домовитых не только хозяйственные обязанности. Последние при нужде составляли из них шайки, снаряжали их в поход для налетов, под условием раздела добычи. Это было своего рода военное батрачество. Лишенная «орудий производства» голытьба вынуждена была быть на поводу у оседлых. Но в ее среде уже выработались новые

стремления и интересы. В то время, как оседлое казачество, экономически крепкое, не искало причин для столкновений с Москвой, голутвенные, еще вчера только бежавшие из-под боярского кнута, были полны ненависти к северу. Да и отношение московского правительства к казачеству резко изменилось. Не нуждаясь в нем, как в силе, противоставлявшей себя туркам, царская власть теперь рассматривала Дон исключительно как убежище для беглых холопов, количество коих увеличивалось с каждым днем, принося вред помещичьему хозяйству и служа источником всякой смуты. Голутвенные со своей стороны платили северу той же монетой, предпочитали грабить русских бояр, вымещая на них свою ненависть. Общее народное недовольство питало эту среду, несмотря на великие гонения и казни правительства за побеги. В шестидесятых годах XVII века скопление голутвенных на Дону было особенно велико, а случившийся неурожай усугубил тяжесть их положения. Потребность в «зипунах» была особо велика, дабы не подохнуть с голоду. Голытьба организовывалась в шайки, разрабатывала проекты экспедиций, подыскивала себе атаманов. В это то время и выдвинулся казак Степан Тимофеевич Разин.

Много легенд и поныне ходит о нем в народе. Порой трудно бывает отличить в них истину от поэтического вымысла, что не дает возможности создать подлинный облик этого человека. Много писали о нем, но трудно представить себе то разнообразие мнений и выводов, которые мы находим в исторических ра-

Стенька Разин в восточном костюме.
(Со старинной немецкой гравюры).

ботах, посвященных этому легендарному человеку. В то время, как одни видят в нем беспримерного злодея, настоящее исчадие ада, другие возводят его в богатыря, бившегося за народную вольность. Не одни народные песни воспевают удаль и молодечество Разина. На заре нашего революционного движения поэт Навроцкий посвятил ему свою лучшую песню «Есть на Волге утес», бывшую столь популярной в революционной среде.

К изучению Разина следует подходить только с меркой того времени. Тогда многое в его поведении не будет нас удивлять. Тогда нам станет понятна и его невероятная жестокость, склонность к разбою.

То было настоящее дитя своего жестокого времени. Люди тогда не особенно ценили себя, еще меньше других. Грабежи, убийства, лютые казни — все это было явлением повседневным. Разин был не лучше и не хуже других в этом отношении. Не это сделало его имя легендарным, а та борьба, которую он вел с угнетателями народа, пытаясь распространить на всю Русь казацкую вольность.

Первые сведения о Разине относятся к 1652 году, когда он обратился к войску с просьбой отпустить его на богомолье в Соловецкий монастырь, по обету его отца Тимофея Разя, данному нам в 1650 году. Отец его вскоре умер, а он «Стенька того своего обета по ся места не исправлял». Получив грамоту, Разин отправился в Соловки и по дороге побывал в Москве. Происходил он не из голутвенных, а домовитых казаков. За свой ум и сообразительность казачий круг

не раз отличал его, посылая в Москву .Вместе с атаманом Будаковым, Разин был послан к калмыкам для заключения с ними мирного договора. Его переход на сторону голутвенного казачества некоторые об'ясняют ненавистью за казненного брата.

В 1665 году князь Ю. Долгорукий был в походе против поляков. В его войске был казачий отряд под начальством брата Разина. Не желая дольше оставаться в войске князя Долгорукого, Разин попросил его отпустить казаков на Дон. Получив отказ, казаки самовольно ушли, но их нагнали и вернули. Разин был осужден на смерть и казнен. У него осталось два брата — Степан и Фрол. Старший Степан и решил отомстить боярам за эту казнь. Трудно сказать, насколько правдоподобна эта версия. Несомненно лишь одно — Разин искренне ненавидел дворянско-боярскую Русь и идеалом управления считал казацкую вольность. Поскольку крепкое, домовитое казачество уже не могло служить опорой для мятежных планов, естественно, что он обратился в сторону голытьбы, сразу оценившей его способности, признавшей в нем своего вождя. И действительно, трудно придумать более подходящего человека на роль атамана, нежели Степька Разин. Могучего роста, крепкий, чрезвычайно предприимчивый, с колоссальной волей, он безраздельно властвовал над голытьбой, преклонявшейся перед силой, видевшей в нем собственную опору. Он внушал к себе не только страх, но и любовь. Потому его приказания исполнялись охотно и беспрекословно. Его неукротимую энергию, редкое мужество, буйный

разгул — все это приписывалось сверхестественной силе, владевшей им. Его считали чародеем.

Уйдя от богатого казачества, Разин сблизился с голытьбой, став их признанным атаманом. Уже тогда о нем пели —

«У нас-то братцы, на тихом Дону
Породился удал-добрый молодец
По имени Стенька Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думушку не думывал.
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку-думушку с голытьбою.
Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьем братцы бусурмански корабли,
Возьмем мы казны сколько надобно».

Без особого труда Разин собрал ватагу, намереваясь на стругах поплыть к Азову и напасть на турок. Но здесь он встретил противодействие со стороны домовитого казачества, во главе которых стоял атаман Корнила Яковлев. Домовитые не хотели затевать войны с Азовом, и Разину пришлось поплыть не вниз, а вверх по Дону, грабя окрестное богатое казачество. Яковлев выслал тогда погоню за ним, но поймать его не удалось. Пробравшись к тому месту, где между Волгой и Доном наименьшее пространство, Разин разбил свой городок на холме между речками Иловля и Тишин, близ городка Паншина. Весть о по-

ходе Разина быстро облетела окрестные места, всюду вызывая тревогу. Воеводы волжских городов—Царицына, Самары, Саратова стали готовиться к встрече «воровских гостей» *). Посланная из Царицына разведка не смогла проникнуть в Разиновский стан. Как доносил посланный Иван Бакулин — «стоит Степька на высоких буграх, а кругом его полая вода—ни пройти, ни проехать, ни проведать сколько их там есть, ни языка поймать никак не можно, а кажись человек тысячу будет, а может быть и поболе».

Столь же безуспешно для царицынских властей закончились и другие попытки разведать о планах Разина. Узнали они только, что «хочет Стенька идти на Волгу, оттуда на Яик, а оттуда воевать тарковского шамхала Суркая».

Пока воеводы гадали на счет планов Разина, его ватага снялась и рекой Камышинской пробралась в Волгу. Весь отряд его состоял приблизительно из 800 человек и помещался на четырех больших морских стругах. Устройство он имел чисто казацкое: делился на сотни и десятки, под началом сотников и десятских. Над всем главенствовал Стенька Разин как атаман, а при нем Иван Черноярец есаулом. Первый встречный караван был немедленно захвачен и ограблен. Состоял он из судов, принадлежащих купцам и казне. На одном находилась партия ссыльных. Весь караван охранялся стрельцами. Разин освобо-

---

*) Ворами в древне-русском языке называли часто буйных мятежных людей.

дил ссыльных, рабочим предложил присоединиться к казакам, а всяческое начальство было частью поброшено в воду, частью развешено на мачтах. Богатая добыча досталась казакам; помимо судов, они захватили много оружия. Теперь можно было пуститься в дальнее плавание. Подойдя к Царицыну, Разин послал Ивана Черноярца к царскому воеводе Унковскому с требованием выдать необходимые кузнечные принадлежности, что тот исполнил беспрекословно. Оправдываясь, Унковский говорил потом, — «что-ж я буду делать. Этого эсаула, как и атамана его ни сабля, ни пищаль не берет и они своим ведовством все свое войско берегут». Из Царицына Разин поплыл вниз по Волге уже на тридцати стругах, имея до тысячи трехсот человек войска. Миновав без всяких столкновений Черный Яр, он вскоре появился перед Астраханью, где был встречен стрельцами, во главе с воеводой Беклемишевым, который видимо собирался уговорить Разина прекратить «воровство» и вернуться с миром на Дон. Эта миссия Беклемишева окончилась неудачно. Часть его стрельцов примкнула к казакам, а сам Беклемишев, раненый в руку и ограбленный, вернулся в Астрахань. По притоку Волги Бузани Разин поплыл в Каспийское море и, не встречая сопротивления в Красном Яру, пробрался в устье реки Яик, где его давно уже поджидали добры-молодцы, писавшие ему еще на Дон —«собирайся к нам атаман, возьми Яик-городок, учуги разори и людей побей. Засядем в нашем городке, а потом пойдем вместе в море промышлять». Оставив в зарослях свое

войско, Разин в сопровождении трех человек подошел к воротам Яика. На вопрос головы Ивана Яцына—что вам надобно?—Стенька ответил:

— Мы просим пустить нас помолиться богу.

Ворота были открыты, а следом за «богомольцами» ворвалась в городок вся ватага. Все начальство города было обезглавлено и много народу на смерть побито. Лето Разин провел в Яике, а с наступлением осени вышел в море и напал на едисанских татар, живущих на островах устья Волги, и погромил их. Следующей жертвой Разина стало турецкое судно, захваченное у устья Терека, после чего он вернулся в Яик на зимовье.

Попытки астраханских властей воздействовать на Разина ни к чему не приводили. Тогда из Москвы был прислан ему через донских казаков во главе с Леонтием Терентьевым царский указ, предлагавший прекратить бесчинства, отпустить плённых и вернуться на Дон. Успеха и эта миссия не имела. Попытка вооруженной рукой покончить с Разиным окончилась печально. Наступавшие на Яик калмыки были разбиты, а посланные для переговоров стрелецкие головы были повешены.

III.

Персидский поход.

23-го марта 1668 года ватага Разина на стругах снялась с зимовья и уплыла в море. Целый год русское правительство не знало куда они девались, точно

в воду кануть. Разин тем временем поплыл к персидским берегам, громить «шахову землю». Шел он по проторенной дорожке. Не раз донские казаки, потеряв надежду на «зипуны» у турецких берегов, переволакивались на Волгу и грабили Персию. Так, в 1621 году атаман Трепька Ус шалил на Каспийском море. Тоже повторилось в 1632 году, когда казаками были погромлены персидские берега. Теперь туда двинулась целая экспедиция. С момента отплытия с Яицкого городка силы Разина значительно увеличились. Слухи о его подвигах уже дошли не только до Донского, но и Кубанского войска. Со всех сторон голытьба, жадная до «зипунов», потянулась под руку смелого атамана. В 1669 году ватага донских казаков под началом Сережки Кривого пробралась на Волгу. Идя на соединение с Разиным, они наткнулись в протоке Карабузан на стрелецкий отряд. Произошел бой, закончившийся победой казаков. Часть стрельцов присоединилась к Кривому, а взятых в плен офицеров казаки вешали за ноги, били «ослопьем» и побросали в воду. Разина Кривой нагнал у персидского города Решта: Другие отряды под командой атаманов Алешки Протокина, Алешки Каторжного и Запорожца Бобы пробрались в разинский стан по рекам Куме и Тереку.

Первые подвиги Разинцы учинили над дагестанскими татарами. Велика была ненависть к ним русских казаков. Дикий народ, населявший Дагестан, промышлял главным образом разбоем. Они не только грабили, но всех пленных обращали в рабство, а хри-

стиан мучительством понуждали принимать мусульманскую веру. Жестоки были нравы казачества, но с одним они не мирились — с рабством. И когда им представился случай «погулять» по Дагестану, они дали волю всем своим инстинктам. Начав с города Тарки, взять которого не удалось, разинцы отправились к Дербенту, главному рынку, где продавали невольников. Всю низменную часть города они разорили до тла. Эта же участь постигла все побережье от Дербента до Баку. Все села сжигались в конец, скарб начисто «дуванился», а неуспевшие убежать жители либо побивались, либо уводились в полон. В самом Баку они разгромили посад, перебили и ограбили массу народа. При этом они почти нигде не встречали сопротивления, почему потери их были ничтожны.

В июле Разин узнал, что в Реште для него готовится вооруженная сила. Видимо опасаясь открытого столкновения, он предпочел пойти на хитрость. Вступив с персами в переговоры, он им заявил:

«Вы напрасно хотите с нами драться; мы убежали от московского государя и пришли в Вашу землю просить его величество шаха принять нас под высокую руку в подданство. Мы слышали, что в персидских землях все пользуются справедливостью и мудростью правления; мы хотим отправить в Испагань наших послов просить шаха отвести нам земли для поселения на реке Ленкуре».

Дагестанские похождения Разина были очень далеки от мирных намерений, тем не менее начальник

Решта Будар-Хан согласился на переговоры. Взяв заложников в обеспечение своих послов, Разин послал к шаху пять уполномоченных. Хотя московское правительство к этому времени успело предупредить шаха, что казаки просто разбойники, тем не менее переговоры прерваны не были. Эта мирная идиллия закончилась самым неожиданным образом. Случилось казакам в Реште овладеть партией крепкого вина. Непривыкшие к нему казацкие головушки быстро захмелели и попадали. Персы воспользовались этим, напали на гостей и убили до четырехсот человек. Сам Разин еле спасся. Кой-как добры молодцы добрались до берега и спаслись на своих стругах, уйдя в море. Первый попавшийся город Фарабат жестоко был наказан за несовсем любезное обращение в Реште. Казаки сожгли его дотла, разграбили, а жителей частью перебили, частью полоновали. Обилие пленных вынудило Разина остановиться на одном из островов на зимовье и предложить персам обмен пленными: за трех христиан он давал по одному персу. Это предложение было принято и отпущенные христиане поступали в Разиновскую ватагу.

Затянувшаяся деятельность разинцев вынудила персидского шаха к принятию против них решительных мер. Под руководством немца-строителя стал сооружаться целый флот для истребления казаков. Не дожидаясь этого нападения, Разин уплыл к восточным берегам Каспийского моря, грабя туркменские улусы.

Наконец, летом 1669 года шах персидский двинулся в морскую экспедицию против Разина. Флот его состоял из семидесяти судов, при команде в четыре тысячи человек, под начальством Менеды-Хана. Произошел кровопролитный бой. Отчаянно смелые казаки лихо дрались, потопили или взяли в плен почти весь персидский флот. Только трем судам, вместе с ханом, удалось бежать. Среди прочих «зипунов» казакам достался сын хана Шабынь-Дебей и его дочь. Эта битва окружила имя Степьки легендарным ореолом и поныне славится в народных песнях.

От непрерывных битв да болезней заметно редели казацкие ряды. Стенька видел это и решил не засиживаться в Хвалынском море. Богатства награблено было много, еще больше было славы. Можно было воротиться на Дон. Вопрос этот, видимо, решал круг. Было решено вернуться на Волгу, заранее зная, что, представляя из себя силу, легко получить от царской власти прощение грехам.

IV.

Возвращение на Дон.

7-го августа 1669 г. астраханские воеводы получили первую весточку о возвращавшихся из дальнего плавания разинцев. Ночью в этот день, после десятидневного плавания они пристали к устью Волги и прежде всего ограбили учуг Басаргу, при-

надлежавший астраханскому митрополиту. Полакомившись икрой, рыбой и забрав рыболовные снасти, они оставили митрополиту церковную утварь, захваченную у мусульман, которые в свою очередь ее где-либо покрали. Но пристать в этот день Разину не пришлось. Получив сведения, что к Астрахани идут персидские торговые суда, Разин повернул в море и ограбил их. Хотя у казаков и без того было много добычи, но спокойно смотреть и не пограбить «бусы» *) было свыше их сил. Это особенно характерно, если принять во внимание, что они приплыли к Астрахани с намерением бить челом государю о помиловании. Тем не менее Разин в Астрахани не был встречен в штыки. Слава его на Дону была столь велика, что начальство предпочитало не раздражать казаков. Кроме того, трудно было положиться на собственных стрельцов, которые каждую минуту могли изменить и переметнуться в разинский стан. Это мирное настроение несколько испортилось после ограблений под Астраханью. Покончив с «бусами», казаки высадились на острове Четырех Бугров. Узнав об этом, воевода Прозоровский выслал против них целую флотилию. Разин не принял боя, а предпочел уйти в море. Тогда командир флотилии Львов послал к нему Никиту Скрипицына, который от имени государя обещал казакам помилование под условием выдачи пушек, морских стругов и пленных. Казаки приняли эти условия и повернули об-

*) Бусы—старинное название парусной баржи.

ратно в Четырем Буграм. Посланные Разиным казаки заявили Львову:

«Просим от всего казацкого войска... отпустить нас на Дон со всеми пожитками, а мы за то рады служить... Пушки отдадим и служилых отпустим в Астрахани; струги отпустим в Царицыне, когда по Волге доплывем до того места, где надобно будет на Дон переволакиваться». Получив утвердительный ответ, казаки направились к Астрахани. Явившись в приказную избу, Разин сдал воеводе свой атаманский бунчук и десять знамен. Казаки сдали двадцать одну пушку и несколько пленных. Но уже в ходе переговоров воеводы заметили, что казаки хитрят с ними—скрывают количество пленных, выдали не все орудия. Они стали напоминать Разину о его обещаниях. Разин возражал, что пленные достались казакам саблею и вернуть всех нельзя—это их собственность. Точно так же нельзя вернуть все награбленное добро—оно уже «подуванено». Выдать все пушки казаки отказались, ибо они им «нужны в степи, как пойдем от Царицына до донского городка Паншина. Место там не проходное, нападут крымские, азовские и всякие военные люди, надобно же нам чемнибудь обороняться. А как в Паншин прибудем, то и пушки в Царицын пришлем».

Десять дней провела ватага Разина под Астраханью, изумляя и поражая голытьбу городскую своим богатством и лихостью. Огромное количество награбленных драгоценностей тут же продавалось за гроши. Богатые дары достались и местному началь-

ству—возможно поэтому оно было столь уступчиво при своих пререканиях с Разиным. Простой, черный люд видел в нем мага и волшебника, покровителя угнетенных и нищих, которых он обогатил. Покончив свои дела в Астрахани, казаки направились вверх по Волге до Царицына, а оттуда волоком в Дон. Это путешествие ясно указывало на замыслы Разина. Меньше всего он думал о долгом покое. На всех остановках он мог видеть, сколь популярно было в народе его имя, сколь велика была ненависть против начальства. Безгранична была его власть над собственным войском. Нет поэтому ничего удивительного в том, что в его голове зародились планы о расширении этой власти, о распространении ее сначала по всему Дону, а там... кто знает. Может удастся всю Россию превратить в вольное казачество.

Прибыв на Дон, Стенька обосновался на острове между Кагальницкою и Ведерниковскою станицами, устроив городок Кагальник, который был обнесен земляным валом. Казаки и сам Разин поселились в землянках. Было их всех до 1.500 человек. Уже при первых вестях об этом в Кагальник потянулись добры-молодцы со всех сторон. Бежали к нему и казаки и беглые холопы с Руси и даже сечевики с Украины. Через месяц войско Разина уже состояло из 2.700 человек. Ведя одинаковый образ жизни со всеми казаками, раздавая бедным свою богатую добычу, он крепко привязал к себе всю эту массу, несомненно готовясь к будущим действиям. С думами

своими Стенька редко с кем делился. Поэтому тщетны были попытки властей проникнуть в его планы. От посланных шпионов они только узнавали, что Стенька приказывает своим казакам беспрестанно, чтобы они были готовы, «а какая у него мысль—про то и казаки немного сведают и ни которыми мерами у них, воровских казаков, мысли доведаться немочно». Ясно было для них только одно—к чему-то большому Стенька готовится. Получив эти сведения, московское правительство чрезвычайно обеспокоилось. Астраханским воеводам из Москвы было указано на их ошибки в обращении с Разиным и его казаками. Их следовало не пропускать на Дон, а «роздать по московским стрелецким приказам и велеть беречь, а воли им не давать». Но эти советы запоздали. Посланные из Астрахани Разиным в Москву казаки обратно были отправлены под конвоем не на Дон, а в Астрахань. По дороге они убежали и пробрались к своему атаману с докладом о виденном и слышанном. Ясно стало Разину, что против него что-то готовится. И он предпочел предупредить события.

V.

Мятеж.

С самого момента появления Разина на Дону, войско разделилось на две части; старые, домовитые казаки группировались вокруг официального ата-

мана, жившего в Черкасске. Они были верны московскому правительству, выступая всячески против «воровства» голутвенных. Центром последних стал Кагальник, со Стенькою Разиным атаманом. Обе партии стояли друг против друга, не прибегая, однако, к вооруженному столкновению. Разин первое время даже не появлялся в Черкасске и тайно увез оттуда свою семью. Готовясь к близкому выступлению, он искал себе союзников, для чего вступил в переговоры с запорожским атаманом Дорошенко. Все это не укрылось от московского правительства, и на Дон в целях разведки был послан царский слуга Герасим Евдокимов. Его появление на Дону в марте 1670 г. совпало с моментом решения Разина выступить в поход на «Москву против бояр». Явившись в Черкасск, он повел усиленную агитацию среди казачества, призывая их к борьбе против бояр, за казацкое управление. Прибывшего посла Евдокимова круг встретил торжественно. Но здесь вмешался Разин. Собрав своих людей, он потребовал привода Евдокимова. Когда тот появился, Разин задал ему вопрос:

— Говори правду: от великого ли государя, или от бояр ты сюда приехал?

Евдокимов ответил:

— Я приехал от великого государя с государевой милостивой граматою.

Рассвирепевший Разин грозно окликнул его:

— Не с граматою ты приехал, а лазутчиком, за мной подсматривать, да про нас узнавать!

И он первый ударил Евдокимова. Присутствовав-

шие разинцы набросились на царского посла, побили его на-смерть и бросили в воду. Этим актом война московскому правительству была об'явлена. Разин немедленно вернулся в Кагальник, мобилизуя свои силы для похода. В мае его ватага снялась и на судах поплыла вверх по Дону. Достигнув Паншина, они переволоклись на Волгу, предварительно ограбив кочевавших здесь калмыков. Появление Разина на Волге для местных жителей не было неожиданностью. Народ давно ждал его, видя в нем освободителя от ига воеводского, да боярского. Этим сразу определился характер нового выступления, резко отличавшийся от первых его походов. «Зипун», конечно, продолжал играть свою роль. Но рядом с этим мы видим ясно выраженное социальное содержание начавшегося мятежа. То было восстание угнетенных классов, движение, несомненно, революционное. Не знавший ни крепостного права, ни тягот московской государственности, казацкий Дон, в глазах порабощенных, являлся символом вольности. Поэтому появление разинских молодцов с их упрощенной политической программой — бей всякое начальство — рассматривалось народом, как призыв к освобождению. И народная масса откликнулась на этот призыв. Царское правительство убедилось в этом при столкновении под Царицыным, на которого разинцы обрушились в первую голову. Окружив город с суши и воды под начальством Васьки Уса, они предложили жителям открыть ворота, что те с радостью сделали. Воевода Тургенев с дворянами заперся в башне, при

чем из царицынских жителей остались ему верны лишь три человека. 13-го апреля в город вошел сам Разин, торжественно встреченный народом. Не пожелавшие сдаться власти были взяты в башне; уцелевшие тут же казнены. Шедшие сверху Волги на помощь Царицыну стрельцы были на-голову разбиты в семи верстах от города, близ Денежного острова, а начальник их Иван Лопатин казнен. В обращении с пленными стрельцами выяснилась и тактика Разина. Он об'явил войну изменникам-боярам, а сражался «за великого государя». То был излюбленный прием всех тех, кто поднимал восстания против власти в древней Руси. Побивая помещиков и дворян, они уверяли, что делают это по призыву царя, ради его же собственной пользы. Велика была темнота и невежество народа, и только таким путем его легче всего было поднять. С этим приемом мы еще встретимся в дальнейшем. Из глубокой старины он дошел чуть ли не до выступлений первых русских революционеров. В 70-х годах прошлого века несколько народовольцев пытались поднять восстание в Чигиринском уезде, опираясь на подложный царский манифест.

Стенька Разин уверял всех, что в его ватаге находится старший сын царя Алексей Алексеевич, умерший в январе 1670 г., а на самом деле бежавший к нему. Боевым кличем разинцев было слово «Нечай». Происхождение его они об'ясняли тем, что народ «не чает царевича», т.-е. неожиданно может его увидеть.

Овладев Царицыным, Разин ввел в городе казацкое управление. Отсюда он рассылал во все стороны своих людей, которые всюду распространяли его «перелестные письма»—воззвания ко всем крестьянам с призывом к восстанию.

В этих воззваниях Разин об'являл, что «идет истребить бояр, дворян, приказных людей, искоренить всякое чиноначалие и власть и установить во всей Руси казачество и учинить так, что б всяк всякому был равен». Этих воззваний распространилось так много, что в декабре 1670 г. усмирявший Разина князь Долгорукий отослал в Москву целый мешок отобранных в народе «воровских писем».

Эффект этих призывов был поразительный. Огромный район между Волгой и Окой через несколько месяцев пылал в восстании.

После месячного пребывания в Царицыне, Разин двинулся на дальнейшие покорения. Город Камышин он взял не столько силой, сколько хитростью. Казацкая ватага, переодевшись в московское платье, подплыла к городу и выдала себя за помощь из Москвы. Впущенные в город, они открыли ворота Разину, который приказал воеводу и всех приказных побросать в воду. Однако, Разин не пошел пока дальше на север, а, повернув обратно, двинулся на юг, стремясь в первую голову овладеть Астраханью. Этот шаг станет вполне понятным, если принять во внимание, что Астрахань в ту пору играла крупнейшую роль в русской торговле, являясь выходом в открытое море. Агитаторы из разинского стана энер-

гичню подготовляли на низовьях Волги почву для его выступления. Особенно они напирали на стрельцов, памятуя, что без их помощи изнутри немыслимо будет взять сильно укрепленный город.

Результаты этой работы воеводы почувствовали очень скоро. Посланный против Разина отряд под началом Львова при первом соприкосновении с повстанцами перебил своих начальников и перешел на сторону восставших. Поражение Львова имело решающее значение для всего астраханского гарнизона. Стрельцы заволновались, открыто высказывая свое сочувствие восставшим. Тщетны были попытки воевод и духовенства подкупить их деньгами. Верными московскому правительству оставались лишь немногочисленные иностранные воины. Но что они могли сделать, находясь в гуще народного моря, готового каждую минуту проглотить их?

23-го июня казаки начали осаду Астрахани. Длилась она недолго, ибо жители и стрельцы восстали и начали «дворян, сотников, боярских людей и пушкарей сечь прежде казаков сами». Охранявшие городские ворота стрельцы перешли на сторону Разина и впустили его в город. Страшная расправа постигла всех тех, кого народ ненавидел. Начиная от воеводы и кончая мелкими чиновниками, всего было побито 441 человек. Похоронили их в одной могиле в Троицком монастыре, при чем Стенька не разрешил хоронить отдельно воеводу князя Прозоровского. Все имущество казны и побитых было поделено между казаками, стрельцами и посадскими людьми. Среди

Взятие Астрахани Разиным. (С рисунка Стрюйса 1676 г.).

прочих «животов» *) победителям достались и многочисленные жены дворянские, да боярские. Разин запретил просто «дуванить» эту добычу. Разрешалось казакам брать их, но не иначе, как в жены. Те недолго заставляли себя упрашивать.

Так же, как в Царицыне, в Астрахани было введено казацкое управление. Все дела решались кругом, или народным собранием. Управлялся город выборными. В июле Разин, считая свое дело утвердившимся в Астрахани, направился на север. Начальником в городе он оставил своего помощника Ваську Уса и старшинами при нем Федьку Шелудяка и Ивана Терского. В Астрахани осталась небольшая часть казачества, вся остальная армия двинулась с атаманом на двухстах судах. Конница около 2.000 человек шла берегом. Из Царицына Разин отправил на Дон отряд в 2.000 человек и всю казну, захваченную в Астрахани. Сделано это было для того, чтоб закрепить за собой симпатии донского войска. Двигаясь по Волге, Разин без боя овладел Саратовым. По установившемуся обычаю, воеводу, дворян и чиновников побросали в воду, имущество их поделили; Гришку Савельева назначили атаманом города. В Самаре небольшое осложнение вышло между самими жителями. Здесь нашлась партия верных Москве. Между ними и сторонниками Разина произошла свалка, закончив-

*) Животы—в древне-русском языке обозначалось как жизнь человеческая, так и его имущество, достояние.

шаяся к моменту подхода Разина победой последних. Самара разделила общую участь. Так, точно триумфатор, двигался Стенька по всей Волге до Симбирска. С криками «здравствуй, батюшка», встречали его стрелецкие гарнизоны, поднимая на штыки своих офицеров. Под Симбирском Разин получил первый ощутительный удар. Здесь успела сконцентрироваться солидная воинская сила, под начальством И. Б. Милославского. Несмотря на явное сочувствие местного населения, Разину не удалось с налета овладеть укреплениями города. Пришлось приступить к медленной их осаде, которая длилась почти месяц. Московское правительство получило передышку, собрало войска, которые решили участь атамана.

Восстание, однако, не ограничилось районом, где присутствовал Разин. Оно охватило ряд губерний. Пламя мятежа появилось всюду, где была для этого почва. В огромном районе нынешних губерний всего Поволжья, до самого Нижнего, появились мелкие отряды повстанцев, брали один город за другим, всюду провозглашая конец боярам, да дворянам. Руководил ими ряд мелких атаманов, вроде Мишки Харитонова, взявшего Пензу, Керенск, Нижний и Верхний Ломов, пока под Шацком не был побит царскими властями.

Здесь следует отметить необычайную активность, проявленную жителями городов. Они участвовали в восстаниях с большей горячностью, нежели крестьяне, хотя терпели мучительств меньше их. Этим и об'ясняется стремительность распространения вос-

стания. Паралич поражал центры власти. Теряя города, правительство сразу выпускало из рук целые области. Крестьянство, менее активное, почти везде присоединялось к восстанию. При этом оно нигде руководящей роли не играло.

Размах восстания, его социальный характер, показал царскому правительству на необходимость быстрого его подавления. Речь шла уже не о бунте в той или иной области, а о существовании всего строя и тех классов, на который этот строй опирался. Рассчитывать на помощь широких народных масс нельзя было—их сочувствие во всей стране Разину для царского правительства было несомненным. Даже в самой стольной Москве в народе про Стеньку говорили, что «он не вор, но ищет свободы народа». Мы уже видели, как встречало его население во всех городах, куда бы он только ни появлялся.

Естественно, что правительство прежде всего обратилось к тому классу, которого Стенька обрекал на гибель,—к дворянству. 1-го августа 1670 г. была об'явлена мобилизация всех чинов дворянства. В изданном по этому поводу манифесте прямо говорилось о необходимости воевать «за великого государя и за свои домы». Уклонявшимся от исполнения своего классового долга угрожали конфискацией имущества. Эта угроза, нельзя сказать, чтобы очень уж подействовала. Дворяне предпочитали устраивать торжественные смотры и дезертировать по дороге на фронт. Против Разина были двинуты регулярные войска, организованные иностранными инструкто-

На Волге. Плот с повешенными за ребро.
(С английской гравюры XVIII века).

рами-офицерами. Только с их помощью царское правительство стало одерживать победы над собственным восставшим народом.

В то время, как Разин безуспешно осаждал Симбирск, вернее, его укрепленную часть, где засели сбежавшиеся со всего района дворяне, московское правительство двинуло свои войска по сухопутью, под командой Барятинского. Вступив в район восстания, они вынуждены были до самого Симбирска двигаться с боем. В этих столкновениях с мелкими повстанческими отрядами сразу выявились все преимущества регулярных войск. Когда Барятинский приблизился к Симбирску, Разин вышел ему навстречу. 2-го октября произошла кровопролитная битва, длившаяся весь день. Сам Разин проявлял исключительное мужество и отвагу. Несмотря на сабельную рану в голове и огнестрельную в ноге, он не покидал поля битвы. С наступлением ночи казаки отступили к своим укреплениям под городом. Всех захваченных в плен казаков Барятинский в ту же ночь повесил. На следующий день царские войска подошли вплотную к Симбирску, заняв берег Волги и сняв этим осаду города. 3-го октября ночью Разин сделал последнюю отчаянную попытку овладеть крепостью. Яростно бросались казаки на укрепления, но были отбиты, главным образом благодаря заходу им в тыл полка Чубарова. Опасность нависла над жизненным нервом казацкого войска, над их стругами. Под покровом ночи Разин посадил на суда своих казаков и уплыл вниз. Когда на рассвете повстанцы увидели, что ка-

заков нет, в их среде началась паника. Толпы кинулись на суда, но беспощадно расстреливаемые погибали в Волге. Не успевшие бежать и взятые в плен были тут же казнены. Весь берег Волги был уставлен виселицами и покрыт плахами, на которых четвертовали повстанцев. Битва под Симбирском решила судьбу восстания.

То была первая победа дворянского правительства. Прямая смертельная угроза монархии и трону миновала, но пожар еще пылал в необ'ятном крае. Пришлось послать туда целую армию под начальством князя Долгорукого. Отдельные отряды, рассыпавшись по всем направлениям, усмиряли восставших, общая неорганизованность которых облегчала дело правительства. Лишь кое-где происходили кровопролитные бои, всегда завершавшиеся победой правительственных войск. Так, 12-го ноября на реке Кандарати, у селения Усть-Уреня, Барятинский встретился с ополчением восставших. «Велик был бой,—доносил он в Москву,—стрельба пушечная и мушкетная беспрестанная и я тех воров побил и обоз взял, да одиннадцать пушек, да двадцать четыре знамени, и разбил всех врознь; побежали они разными дорогами; и секли воров конные и пешие, так что на поле в обозе и в улицах Усть-Уренской слободы за трупами нельзя было и проехать, а крови пролилось столько, как будто от дождя большие ручьи протекли». Вообще военные действия этого периода носили характер истребительной экспедиции, сопровождавшейся даже по тому лютому времени неслыханными жестокостями.

Воеводам, действовавшим против повстанцев, предоставлено было неограниченное право суда и расправы. И они использовали это. Один иностранный писатель так описывал Арзамас, резиденцию князя Долгорукого: «Ужасно было взглянуть на этот город; предместья были похожи на ад. Повсюду стояли виселицы, на которых висело по сорока и пятидесяти человек. В других местах лежали еще свежие куски человеческих тел, дымившихся кровью. По местам находились преступники, сидевшие на кольях, некоторые из них жили до трех дней и даже говорили. В продолжение трех месяцев одиннадцать тысяч человек было казнено после формального суда и допроса свидетелей. Князь Долгорукий *) сам присутствовал на месте суда и расправы».

Арзамасский стан не представлял какого-либо исключения. Такой же характер носило усмирение во всем охваченном восстанием районе. Общее количество погибших при этом людей исчисляется в сто тысяч. Такова была расплата. Своими жестокостями правительство главным образом хотело придавить народные массы, внушить им великий страх, дабы надолго обезопасить себя от их выступлений. Для этого повстанцев на специальных плотах вешали за ребра, а затем пускали вниз по Волге, к великому ужасу прибрежных жителей Таков был удел побежденных.

---

*) Во время стрелецкого мятежа в 16?2 г. князь Долгорукий был убит восставшими.

VI

Гибель Разина.

Из-под Симбирска Степан Тимофеевич ушел уже без того непобедимого ореола, который окружал его имя и открывал ему ворота городов. Слух о том, что крестьяне были оставлены на погром царским воеводам под Симбирском, быстро дошел до ближайших городов. Поэтому на обратном пути ни Самара, ни Саратов к себе Разина не приняли. Остановиться ему удалось лишь только в Царицыне, где он смог полечить свои раны. С наступлением зимы, не преследуемый царскими войсками, он перебрался на Дон, в свой Кагальник. Отсюда он деятельно сносился с Астраханью, которая была всецело в руках его сторонников, готовясь к новому походу против ненавистных бояр. Рассчитывая опереться на донское войско, Разин не заметил, что именно здесь подготовлялась его гибель.

Еще в самом начале побед на Волге домовитые или значные казаки, во главе с атаманом Корнилою Яковлевым, возбуждали донское войско против разинцев. Успеха тогда они не имели. Партия Разина была сильна и грозила пометать в воду всех его врагов. Но как только Разин потерпел поражение под Симбирском, те подняли головы. Поэтому, когда брат Степана Фролка поднял восстание в близлежащей к Дону Воронежской губернии, значные казаки сами усмирили его.

Когда Разин вернулся на Дон побежденным, его враги уже открыто стали говорить о необходимости его извести, а самим перейти на сторону Москвы. Ряды же разинцев редели с каждым днем—поражение ведь ничего хорошего не обещало. Еще полагаясь на свой авторитет, Разин решил лично явиться в Черкасск и попытаться овладеть атаманской булавой. Но ворота Черкасска оказались перед ним запертыми.

Простояв под городом неделю, Стенька ушел обратно в Кагальник, пригрозив еще вернуться и всех извести. Между тем, Корнило Яковлев обратился к царю с выражением верности и просьбой прислать на Дон воинскую часть для совместных действий против Степьки. В ответ на это белогородскому воеводе Ромодановскому было приказано двинуть на Дон тысячу человек драгун.

14-го апреля казаки Яковлева подплыли к Кагальнику, овладели им и уничтожили до-тла. Все захваченные сообщники Разина до последнего человека были перевешаны. Оставили только в живых двоих—Стеньку и его брата Фрола. Оба они были закованы в цепи и увезены в Черкасск, откуда в сопровождении большого конвоя их повезли в Москву.

4-го июня огромная толпа народа покрыла улицы столицы, чтоб посмотреть на знаменитого атамана. Его ввезли в Москву на большой телеге, прикованного к виселице, одетого в рубище. К телеге с цепью на шее был прикован Фролка. Выпрямившись во весь свой могучий рост, молча разглядывал Разин столицу, ни единым движением не выдавая свои чувства. Его

доставили прямо в земский приказ и приступили к допросу, сопровождавшемуся страшными пытками, которые не исторгли у него ни единого звука. Изумленные палачи тогда положили его истерзанное тело на горячие уголья. Результат был тот же. Пытались заставить его говорить каленым железом. Но напрасно. На время оставив Стеньку, палачи принялись за Фрола. При первых пытках он начал жалобно кричать.

— Экая ты баба,—воскликнул Стенька,—вспомни наше прежнее житье; долго мы прожили со славою, повелевали тысячами людей; надобно теперь бодро переносить несчастье. Что, разве это больно?

Несколько раз палачи возобновляли пытки, придумывая самые невероятные злодейства. Но жертва молча все сносила.

В начале июня Разину и его брату был вынесен приговор.

«Вор, богоотступник и мятежник, донской казак Стенька Разин,—говорилось в нем.—Забыв страх божий и милость, которую тебе оказал великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, возстал ты против его царского величества.

Ты собрал к себе других казаков и вы отправились на Волгу, чтобы выполнить свои злодейские замыслы. Там вы причинили многим людям великое зло. Ты же, вор, между Астраханью и Черным Яром царского величества воеводу Семена Беклимишева, который был послан для переговоров с тобой, ограбил, бил до смерти и посадил в воду. Затем ты убил

сотника московских стрельцов Ситцова, который был также отправлен к тебе. Когда из Астрахани был послан на Яик воевода и два полковника со стрельцами, чтобы договориться с тобой полюбовно, отклонить тебя от твоих злодейских замыслов и предложить тебе бить челом его царскому величеству о прощении, ты повесил двух полковников и с Яика вышел в море, а оттуда снова на Волгу, где ты уничтожил рыбные промыслы и сжег татарские селения. Ты вор появился у городка Терека и много вреда причинил как кругом лежащим местам, так и на море, и во владениях персидского шаха.

Ты ж вор забыв милостивую великого государя пощаду как тебе и товарищам твоим вместо смерти живот дан, пошел на Волгу для своего воровства и старых донских казаков, самых добрых людей перегробил и многих побивал до смерти и в воду посажал. Да жильца Герасима Овдокимова, который послан был на Дон с его великого государя милостивою грамотою к атаману Корнею Яковлеву и казакам, убил же и в воду посадил, да и воеводу, который был на Дону Ивана Хвостова бил, и изувечил и ограбил и от тех побой он умре. Ты ж вор Стенька, пришед под Царицын, говорил царицынским жилецким и всяким людям и вместил воровскую лесть бутто их царицынских жителей и ратных людей идут сечь и царицынские жители по твоей прелести своровали и город тебе здали. И ты вор воеводу Тимофея Тургенева и Царицынских жителей, которые к твоему воровству не пристали побил и посажал в

воду. Ты ж. вор, сложась в Астрахани с ворами же, боярина и воеводу князя Прозоровского взяв из соборной церкви с роскату бросили и брата его князя Михаила, и дьяков, и дворян, и полковников, и голов стрелецких, и сотников, и стрельцов, которые к воровству твоему не пристали и купецких и всяких чинов, муча разными муками, побил, а иных в воду пометал мучительски и животы их пограбил. А под'ячих астраханских, которые служили великому государю, а к твоему воровству не пристали велел ты мучить страшными муками: за ребра вешать. А учиня такое кровопролитие из Астрахани пришел к Царицыну, а с Царицына к Саратову, а саратовские жители тебе город здали по твоей воровской присылке. А с Саратова пришел ты вор к Самаре и самарские жители город тебе здали по твоей воровской присылке. А с Самары ты, вор и богоотступник, с товарыщи под Синбирской пришол, а пришед под Синбирск, з государевыми ратными людьми бился и к городу к Синбирску приступал и многие пакости починил и посылал в разные городы по черте свою братью с воровскими перелестными письмами. И будучи ты вор с своим, с воровским собранием против воли божии ничего над Синбирском не учинил и во многих местах, ты вор, изранен ушол на Низ; а по черте и в иных городех по твоим воровским присыльным письмам уклонились к воровству, и во всех городех и местех воевод и приказных людей побили и в воду пометал.

А ты, вор, Фролко, пристав к воровству брата

своево, соединясь с такими же ворами, ходил, собрався, к Украинным Городом и в ыньге места и многое разорение чинил и людей побил. И в той своей дьявольской надежде, вы, воры и крестопреступники Стенька и Фролко и со единомышленники своими похотели святую церковь обругать, в такую мерзость пришли, что о имени великого бога слышать не хотели, уповая на дьявольскую лесть.

А ныне по должности к великому государю службою и радением войска Донского атамана Коренея Яковлева сами вы пойманы, и приведены к великому государю к Москве и на Москве в роспросе и с пыток в том своем воровстве винились. И за такие ваши злые и мерзкие перед богом дела и к великому государю за измену и ко всему Московскому государству за разорение по указу великого государя бояре приговорили казнить злою смертию четвертовать, а тебе Фролку голову отсечь».

6-го июня Разина с братом вывели на Красную площадь и поставили на Лобное место. Все кругом было усеяно народом. Спокойно и мужественно он выслушал свой приговор. Подошел палач. У Стеньки хватило сил помолиться на Василия Блаженного, поклониться народу на все четыре стороны и громко произнести—простите!

Разина положили между двумя досками. Сначала палач отрубил ему правую руку, затем левую ногу. Но и эти нечеловеческие страдания не вырвали у него стонов. Видя это Фролка упал на колени и закричал;

— Я знаю слово государево! Это значило, что он хочет дать показания.

— Молчи, собака!—крикнул Разин. В этот момент палач отрубил ему голову. Тело рассекли на куски и воткнули на колья, а внутренности отдали собакам.

В народе слух пошел, что Разин перед концом своим в стихах завещал:

«Схороните меня, братцы, между трех дорог
Меж Московской, Астраханской, славной
Киевской
В головах моих поставьте животворный крест,
В ногах мне положите саблю вострую.
Кто пройдет, или проедет—остановится
Моему-ли животворному кресту помолится.
Моей сабли, моей вострой испужается,
Что лежит тут вор удалый, добрый молодец
Стенька Разин Тимофеев по прозванию».

Всенародная казнь не убедила массы в достоверности гибели атамана. Легенды немедленно окружили его имя.

Разин не казнен, говорили в народе. Еще в тюрьме дотронулся он разрыв-травой до цепей и те упали, обвел он по дверям, те раскрылись. И ушел атаман в дальний край, чтоб через сто лет вернуться.

Память о Разине и поныне жива на Волге. Ряд мест носит его имя. Старики и теперь укажут «стол Стеньки Разина»—небольшой холм, на котором он обедал. Есть остров Разина, шапка Разина — гора,

где он ночевал. В народном воображении Разин принял неосязательные формы. «Разин—это мука мирская»—говорили про него.

VII.

Конец Разиновщины.

Уцелевшие от Кагальницкого погрома остатки Разинской ватаги, под командой Алешки Каторжного пробрались на Волгу в Астрахань, пытаясь продолжать дело своего атамана. Не радостна была их казацкая песня:

«Помутился славный тихий Дон
От Черкасска до Черна моря,
Помешался весь казачий круг.
Атамана нет боле у нас.
Нет Степана Тимофеевича
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца
Завязали руки белые
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной Площади
Отрубили буйну голову».

Покончив с восстанием на верховьях Волги и с самим атаманом, царское правительство не спешило овладеть главным очагом мятежников—Астраханью. Происходило это вовсе не потому, как полагают некоторые историки, что правительство не

Колесование.

(С гравюры XVIII века).

придавало значения факту занятия казаками этого города. Мы уже знаем какую огромную роль играла Астрахань в экономике тогдашней Руси. Правильней будет полагать, что воеводы просто не решались брать сильно укрепленный город открытым боем. Они предпочитали выжидать в надежде на неизбежное разложение в рядах казаков, как следствие общего поражения мятежа. Поэтому, овладев Симбирском, царские войска там застряли, ограничившись укреплением занятых позиций. Жизнь Астрахани продолжалась в созданных восстанием условиях. По прежнему разыскивались и истреблялись агенты московского правительства, уцелевшие от прежних разгромов, а имущество их делилось. Последнее обстоятельство дало повод некоторым историкам весь смысл восстания видеть в стремлении к дележу награбленного. Этот взгляд, по меньшей мере, наивен. Прежде всего нельзя же век существовать одним «дуваном». Имея возможность, казаки могли свободно уйти из Астрахани после всеобщей дележки имущества казненных. Но они, однако, этого не сделали, а остались в городе, готовясь к его обороне. Ясно, что причины восстания лежат глубже. Их нужно искать в тех же условиях, которые создали восстания в этот же период в Новгороде и Пскове, т.-е. может быть в малоосознанном, но безусловном стремлении к освобождению от ига московской государственности.

После поражения под Симбирском московское правительство обратилось к астраханцам с грамо-

той, в коей обещалось помилование всем восставшим, в случае, если они добровольно сдадутся.

Получив отказ, правительство не сделало из него соответствующих выводов, не двинуло на юг войска, а продолжало закреплять за собой район лежавший ближе к Москве. Эта пассивность воевод внушила астраханскому командованию мысль об их общей слабости, что было несомненно ошибочно. Придя к такому выводу, они решились на новую экспедицию вверх по Волге. Это решение имело для них роковой характер. Но раньше чем выступить в поход, казаки признали нужным обеспечить себе тыл от возможных выступлений сторонников Москвы. Главнейшим из них в Астрахани был митрополит Иосиф, которого они 11-го мая казнили. На следующий день казаки дали общую клятву до конца стоять друг за друга, против бояр. С этим решением они и двинулись вверх по Волге, под общей командой Шелудяка. Благополучно миновав Царицын, Самару, Саратов и захватив в этих городах подмогу, казаки подступили к Симбирску. Здесь они 23-го июня потерпели поражение и вынуждены были отступить. Собранное Шелудяком ополчение разошлось, а он вместе с остатками казачества вернулся в Астрахань, где ему пришлось заменить умершего Ваську Уса.

После этой неудачной вылазки, пассивность воевод закончилась. Следом за отступавшими казаками двинулись царские войска, вплоть до Астрахани не встретившие нигде сопротивления. Подойдя к

этому городу, царские войска под командой Ивана Милославского обложили его с двух сторон, ограничившись лишь одной осадой. Попрежнему казакам было предложено сдаться на условиях помилования, но те все это отвергли. Отряды их занимали оба берега реки, при чем Алешка Каторжный своими налетами не раз тревожил осаждавших.

Три месяца стоял Милославский под Астраханью, пока на помощь к нему не пришел Черкесский князь Капсулат Муцалович, войска которого завершили блокаду города. Обманным образом осаждавшим удалось выманить якобы для переговоров Шелудяка, который был задержан. Потеряв главу и не видя ни откуда помощи, окруженные со всех сторон астраханцы 26-го ноября сдались Милославскому. 27-го ноября царские войска вошли в город. Милославский сдержал слово и никто из восставших казнен не был, даже Шелудяк. Победители ограничились лишь тем же знаменитым «дуваном». Они потребовали возвращения всего имущества, захваченного казаками и посадскими людьми во дни восстания и поделили его между собой. При этом львиная доля богатств досталась самому милосердному Милославскому и его близким. Этот идиллический финал все-таки царским правительством не был доведен до конца. Мягкость Милославского не понравилась в Москве. Поэтому в 1672 г. его сменил Яков Одоевский, который, хоть и с некоторым опозданием, отдал дань жестокостям своего времени. Виселица, плаха и даже костер нашли себе и в Астрахани пищу.

Таков был конец этой эпопеи. Народные массы, в борьбе с боярством, потерпели поражение и были жестоко усмирены и придавлены. Имущие классы, ценой неслыханных преступлений, получили возможность вернуться в свои дома; миновала и смертельная опасность для самого царского трона. Но напрасно они думали, что так будет длиться отныне и во-веки. Причины для мятежей остались. Социальные вопросы очень плохо разрешаются виселицами. Пришлось народным массам самим вновь и вновь разрешать их.

ЧАСТЬ II

I.

Народные массы накануне Пугачевщины.

Эпоха, отделявшая Разинское восстание от Пугачевщины, длилась сто лет. Нельзя сказать, чтоб она отличалась особым покоем и миром. Ряд небольших восстаний и жестоких усмирений ознаменовал эти годы. Царское правительство довольно быстро справлялось с этими беспорядками, что внушало господствующему классу уверенность в завтрашнем дне. В атмосфере этого внешнего покоя рос и развивался тот процесс закрепощения народа, который и привел к взрыву Пугачевщины.

В жизни русского народа за это время произошло много перемен. Прежде всего это относится к крестьянству. Если во дни Разиновщины народ восставал от прелестей раннего крепостного права, только начинавшего показывать свои когти, то ко временам Пугачевщины этот процесс был совершенно закончен. Многомиллионное крестьянство и фактически и юридически превратилось в абсолютную собствен-

ность своих господ, дворян-помещиков, став для законодателя существом мертвым, совершенно уйдя из его поля зрения. Закон знал только владельца крепостных душ, не вмешивался в их жизнь, предоставив помещику неограниченные права над ними. Там, где общественная жизнь не регулируется известными нормами, злоупотребления становятся обыденным явлением. Это и случилось с русским крестьянством, его жизнью и трудом. В описываемый период крестьяне делились на категории, по признаку их принадлежности тому или иному юридическому лицу. Были крестьяне помещичьи, казенные, дворовые, церковные, архиерейские, монастырские. К моменту Пугачевщины крестьяне, принадлежавшие духовным лицам, были от них отняты и стали называться экономическими. Самой многочисленной группой были помещичьи крестьяне, составлявшие более половины всего земледельческого населения страны. Все они сплошь были крепостными. К этой рабской категории следует прибавить дворцовых крестьян — крепостных царской фамилии.

Процесс закабаления крестьянства шел рядом с ростом могущества дворянства. Их положение также резко изменилось за эти сто лет, но в сторону расширения их прав и привилегий. Прежний боярин, слуга и холоп государев, превратился в благородного дворянина. Минули те времена, когда цари изводили бояр, таскали их за бороды, лишали вотчин и голов. На протяжении этих ста лет дворянство стало не только правящим классом, но и вершать судьбу са-

мого царского трона, который превратился в поприще дворянской предприимчивости. И не один царь в итоге этого нового положения вещей сменил корону и порфиру на каземат крепости или на пеньковую удавку. Естественно, что, располагая всей полнотой государственной власти, русское дворянство ни о чем, кроме собственных прав и привилегий, и не думало. Поэтому все, что стояло на пути шествия крепостничества, все, что мешало ему укорениться и распространиться на всю страну, систематически уничтожалось и истреблялось. Читатели помнят, что вольное казачество всегда было приютом для всех беглых от ига помещиков. В задачу дворянской политики входило уничтожение этих прав и привилегий казачества. Нужно было закрыть эту отдушину, дабы рабская цепь оказалась сомкнутой. Все это кровью и железом было проделано. С каждым годом казачество лишалось своих прав. Попытки отстоять их с оружием в руках прекращались самым зверским образом, как это было во времена Петра с бунтом атамана Булавина, когда все казацкие городки по Хопру и Медведице русскими войсками были выжжены до тла. К моменту пугачевского восстания казачьи области были нивелированы, уравнены в общем бесправии со всей остальной Россией. Только одного крепостного права там не удалось ввести. За то в остальных областях страны помещик господствовал во всю. За эти истекшие сто лет он захватил почти все земли по Волге, превратив в свою собственность инородцев, населявших эти края. Если в английской исто-

рии за воином всегда шел купец, то в русской его заменил помещик. Все области, которые завоевывались московской Русью, делались немедленно добычей дворянства, присваивавшего себе земли, а население обращавшее в рабство. Забыв все ужасы Разинского восстания, не думая о завтрашнем дне, помещики стремились лишь к одному, — выжать из своих подданных как можно больше, оставить им как можно меньше. Из этой чрезвычайно простой политики и слагалась жизнь народных масс. Лишенные всякой защиты закона, крестьянство стало об'ектом самой варварской эксплоатации, соединенной с безграничным произволом. Дошло до того, что сама Екатерина II, мать и благодетельница дворянства, писала: «Ведь нет дома в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности». Поэтому нет ничего удивительного в том, что только в одной Московской губернии с 1764 по 1769 г. было убито крепостными тридцать помещиков и помещиц. Но эта расправа совершалась тогда, когда всякому терпению крепостных наступал конец, когда помещики совершали из ряда вон выходящие злодейства.

Задолго до восстания волнения охватили ряд областей на Волге и на Урале, преимущественно среди инородцев и яицких (уральских) казаков. Недавно присоединеные к России татары, калмыки, башкиры, киргизы еще не успели усвоить всю мудрость рабства, новые хозяева, особо неистово эксплоатируя все время поддерживали хроническое недовольство в их

среде. Не раз дикие кочевники пытались восставать, но каждый раз регулярная армия подавляла их. Особой жестокостью отличалось усмирение башкирского восстания в 1741 году. Командовавшему правительственными войсками генералу Урусову было тогда приказано: «оных противников на страх другим без всякой пощады предавать смерти и жилища их разорять до основания». Арестованных предлагалось «по надлежащим расспросам, не держав долго, казнить смертию».

Всего казнено и умерло в тюрьмах от пыток 28.190 башкир. Часть их была роздана в рабство. Разорено было 396 селений, конфисковано было у восставших 12.283 лошади, 6.076 коров и овец.

Яицкие же казаки еще помнили времена своей вольности и с трудом мирились с колодками новой государственности; волнения в их среде происходили периодически по целому ряду поводов войсковой жизни. Эти волнения чаще всего носили характер столкновений между казацкой верхушкой, правившей войском, и широкими массами трудового казачества. Казачий старшина, опираясь на неизменную помощь царского правительства, злоупотреблял своим положением, присваивал себе войсковое добро, облагал работных казаков непомерными налогами. Жалобы последних всегда оставались втуне. Естественным выходом из этого положения бывали беспорядки, не раз завершавшиеся применением против непокорных огнестрельного оружия. Так было в 1766 г., когда яицкие казаки отказались выбрать атаманом неугод-

ного им кандидата. Когда уговоры генерала Черепова не помогли, в ход были пущены драгуны, открывшие огонь по собравшимся казакам, при чем было убито 3 человека, а 6 ранено. Подобные методы управления приводили к результатам менее всего желательным правительству. Они превращали яицкое войско в сплошной лагерь недовольных. Когда волнения приняли широкий характер, на Яик была послана следственная комиссия во главе с генералом фон-Траубербергом. Этот последний начал свою работу с того, что наказал семь человек плетьми, как зачинщиков, и приказал обрить им бороды и сослать в Кизляр. По дороге казаки войсковой стороны напали на конвой и отбили шестерых ссылаемых. Это привело к новым репрессиям. Закончилась эта история 13-го января 1772 г. форменным восстанием казаков, убийством Трауберберга, арестом главарей старшинской партии и поголовным истреблением их имущества.

— Волю свою взяли, — говорили казаки, — и будем делать по своему!

На следующий день войсковой круг решил казнить наиболее ненавистных старшин, а для остальных сочинил особую присягу на верность войску. Решение это было приведено в исполнение, ряд старшин был казнен, а остальные поклялись быть верными войску, ходили по кругу и кланялись казакам в ноги. Когда известие о событиях 13-го января дошло до Екатерины II, она издала указ, в котором требовала выдачи войском зачинщиков, угрожая в

противном случае «своим» гневом». 22-го апреля войсковой круг, получив этот указ, ответил, что «не некоторые из нас, а мы все повинны». В ответ на это правительство послало против казаков карательную экспедицию под командой генерала Фреймана. 3-го июля произошла встреча мятежных казаков с этим отрядом. После ряда столкновений, казакам пришлось отступить. Яик был занят. Начались репрессии. Казаки массами покидали родные городки и уходили в безопасные места. Некоторые даже вознамерились совсем уйти в Персию, как незадолго до этого погромленные донские казаки во главе с атаманом Некрасом ушли в Турцию.

Таково было положение на Урале, накануне Пугачевщины. Волнения не ограничились одним казачеством. Недовольство распространялось среди крепостных, особенно на многочисленных уже тогда заводах. Все это, вместе взятое, явилось причиной тому, что мятеж вспыхнул именно здесь.

II.

Дворянство накануне катастрофы.

Абсолютную противоположность безрадостному состоянию народных масс представляло дворянство этой эпохи. Живя точно на вулкане, оно не только не делало ничего, чтоб предупредить катастрофу, но всеми силами ускоряло развязку. Воспитанное на жирной и в то же время гнилостной почве рабства,

лишенное малейших проблесков политического чутья и дальновидности, оно доводило крестьянство до последней степени отчаяния бесконечными поборами и насилиями. Даже дворянские историки последующих лет принуждены признать совершенно невероятный образ жизни тогдашних привилегированных классов. Высшая аристократия утопала в изумительной роскоши. Эти владельцы сотен тысяч крепостных душ умудрялись в один вечер прокучивать труд и достояние десятков тысяч людей. Невежественные, они с презрением относились ко всякому труду, предпочитая вести паразитический образ жизни за счет народа, на которого смотрели, как на домашний скот. Все время уходило на грандиозные пиры и не менее размашистый разврат. В этом отношении женщины не уступали мужчинам. То была форменная вакханалия разнузданности и дикости. Каждый аристократ почитал долгом чести иметь минимум одну метрессу, что считалось правилом хорошего тона. Развращенная женщина или мужчина могли быть уверены, что двери лучшего аристократического дома перед ними всегда будут открыты. И наоборот. От человека без скандальной хроники сторонились. На все эти подвиги требовалась масса денег, которые приходилось сдирать с того же народа.

Так, например, вице-канцлер граф Безбородко платил одной итальянской певице по 2.000 руб. зол. за визит, а при от'езде ее в Италию подарил ей 500 тыс. руб. «Наши дураки в иностранной коллегии, писал в своих записках Храповицкий, не думая о де-

лах, проводят время только с девками». Все это не единичные случаи. а массовое явление. Дворянское общество гнило с головы. Екатерина II во всем давала пример. И как часто аристократическим дамам трудно было за ней угнаться. Рядом с этим шла баснословная роскошь в одежде. Потемкин имел шляпу до того тяжелую от бриллиантов, что требовался специальный человек, который носил ее за князем. Его обыкновенное парадное платье стоило 200.000 рублей. Графу Орлову Екатерина II подарила платье стоившее 1.000.000 рублей. Граф Безбородко не только пуговицы, но даже пряжки для обуви делал из бриллиантов. Когда пиры, разврат и фатовство надоедали, наши вельможи прибегали к последнему удовольствию—охоте. Здесь выдающееся место в их жизни занимали собаки. Часто за породистого щенка отдавались десятки крепостных. Все это не было уделом только высшего общества. Среднее дворянство тянулось за ним, всячески стараясь во всем им подражать. Не располагая сказочными богатствами аристократии, они с еще большей яростью обрушивались на единственный источник своих доходов, на крепостных, взваливая на них всю тяжесть своих непомерных расходов. А когда последняя копейка из крестьянского сундука бывала выколочена, помещики не гнушались заниматься простым разбоем, нападая на соседей и грабя их пожитки. Бывали случаи, когда они из своих крепостных создавали целые отряды для вооруженных налетов. Любопытно, что бандитизм не был чужд и духовенству. Так ростовские

мелкие помещики жаловались Екатерине II, что ростовский архиерей захватил их достояние. Если мелкие дворяне занимались открытым разбоем, то крупная знать, стоявшая у власти, почти открыто грабила казну, продавая все, что можно было. Про канцлера Воронцова Екатерина писала: «Гипокрит какого не бывало; продавался первому покупщику, не было двора *), который бы не содержал его на жалованьи». За деньги можно было купить любого сенатора, любого министра, получить какой угодно чин и звание. Откупщик Лукин за 8.000 рублей получил чин капитана. Разбогатевший заводчик Демидов, ранее приговоренный к виселице, за деньги стал генералом. У любого генерала за деньги можно было купить какой угодно орден. Даже у знаменитого Суворова. У некоего Алеевцева в кармане всегда хранились готовые бланки и патенты на чины и должности, точно коробки папирос в ящике нынешнего уличного торговца. В Петербурге судью Терского за его великое взяточничество звали **багром** в отличие от его товарищей **мелких крючков.** Поражаешься ныне разнообразию взяток.

Смоленский вице-губернатор Аршеневский с своих подчиненных брал по 20 рублей и меньше. Часто ему давали взятки натурой — воз сена, девку. Лихоимство было столь широко распространено, что стало неот'емлемой частью государственного управления.

---

*) В данном случае речь идет о королевских дворах Европы.

Как общее правило, все знали, что без взятки ничего не сделаешь. Жена товарища Костромского воеводы Анна Баталина предложила взятку самой Екатерине II. Прося о производстве мужа в коллежские асессоры, она писала ей: «Умились, матушка, надо мной сиротой, прикажи указом, **а я подведу вашему императорскому величеству лучших собак четыре: Еполит да Жульку, Женету, Маркиза».**

На фоне этой картины легко себе представить каково было положение крепостного народа в той эпохе, не имевшему никаких человеческих прав и никаких денежных средств. Всякое преступление, совершавшееся над ним, как общее правило, всегда оставалось безнаказанным. А преступлений этих было по народному преданию «реченька глубокая». Но дворянство над этим не задумывалось. Шумно и весело оно проводило свои дни, пока не настала расплата.

III.

Пугачевщина и самозванство.

5 января 1762 г. умерла императрица Елизавета Петровна, и на русский престол вступил гольштинский принц, в православии принявший имя Петра Федоровича. Одним из своих первых указов он даровал дворянству «вольность», т.-е. освободил их от изстари существовавшей обязательной службы государству, за что правительство их жаловало землею, да крепостными душами. Из этого законода-

тельного акта крестьяне сделали совершенно разумный вывод—раз дворяне больше не обязаны служить, нет нужды и в существовании крепостного права. Ведь последнее само государство вначале рассматривало, как плату за усердную службу. Слухи о том, что вслед за волею дворянам, последует воля народу, приняли настолько широкий характер, что Петру III пришлось особым указом их опревергать, хотя и без особого успеха. Этим слухам содействовал и другой факт из деятельности Петра III—уничтожение барщины в поместьях церковных владык. Все это создало Петру III своеобразную популярность в крестьянской среде, которая увеличилась после того, как он провозгласил терпимое отношение к староверам. Петр I, как известно, не баловал их, а его дочка Елизавета подвергала их всевозможным преследованиям. Староверы вели отчаянную борьбу за право креститься двумя пальцами и носить бороду. Петр III даровал им это право. Все это были незначительные акты, но во всем гонимый народ чувствовал их и ценил.

Царствование Петра III было кратковременным. Не успели в отдаленных местностях присягнуть ему, как из столицы полетели новые вести. 28 июня 1762 г. благочестивейшая супруга Петра III, Екатерина свергла его с престола с помощью дворянской гвардии и провозгласила себя императрицей, а 6 июля в замке Ропша Петр III был убит. И хотя Екатерина II-я в манифесте от 7-го июля и об'ясняла эту смерть, случившуюся на редкость кстати,

«припадком геморроидическим», в народе сразу поняли, что здесь что-то не совсем ладное. Сразу же вокруг этой смерти зародилось множество слухов, особо усилившихся после того, как по «раболепнейшей просьбе» сената Екатерина не явилась на похороны своего злополучного мужа. В народе стали говорить, что Петр III убежал от козней своей жены, а вместо него был убит какой-то офицер, что он где-то скрывается и вскоре снова об'явится. Эти слухи ходили не только в простом народе, но вышли даже за пределы государства. Одни говорили, что он скрывается за границей, другие уверяли, что он бежал к казакам, исконным староверам, которые его ласково приняли, памятуя его терпимое отношение к себе. Все это создало своеобразный спрос на Петра III. А там, где имеется спрос, всегда найдется и предложение. И мы действительно видим, как в разных местах стали появляться люди, выдававшие себя за беглого Петра III. Уже в 1763 г. в селе Спас-Чесноковке священник служил благодарственный молебен по случаю чудесного избавления Петра III от смерти. В 1765 г. беглый солдат Кремнев об'явил себя Петром III в Воронежской губернии.

Население, в особенности крестьянское, встретило его очень сочувственно и успело даже присягнуть ему, пока он не был схвачен и сослан в Сибирь. В том же году за присвоение себе имени Петра III были сосланы туда же армянин Асланбеков и другой беглый солдат Чернышев. В 1764 г. судили солдата Мамыкина за то, что по дороге в Астрахань «раз-

клашал, что Петр III жив, опять вступит на престол и окажет многие милости крестьянам».

Наконец, в 1772 г. некий Богомолов об'явил себя Петром III среди уральского казачества. Это событие взволновало довольно большой район, было встречено сочувственно даже среди гарнизона Царяцына. После всевозможных приключений Богомолов был задержан, бит кнутом и с вырванными ноздрями сослан в Сибирь, где и умер.

Все это указывает, сколь живуча была легенда о чудесно спасшемся Петре и как легко было под этим флагом поднять широкое движение народных масс, вложив в него совсем иное социальное содержание и использовав для этого безграничное недовольство, разлившееся по всей стране. Исходя из этих соображений нам станут понятны все дальнейшие события.

О Пугачеве и Пугачевщине мы имеем довольно богатую историческую литературу. Здесь, на ряду с ценными исследованиями, мы встречаем ряд фантастических измышлений, совершенно лишенных исторической правды. Происходило это от взгляда данного историка на Пугачевщину. Для первых историков этого движения, принадлежавших к дворянству, Пугачев был просто великий злодей, в корыстных целях присвоивший себе звание Петра III. Иначе как вором, авантюристом и душегубом они его и не называли. Но это отношение к Пугачеву постепенно менялось, а в наши дни, когда мы располагаем ценнейшими архивными материалами, относящимися к

этому движению, Пугачевщина приобретает совсем иной характер, получает совершенно иное освещение. Вместо хаотического бунта, сплошного злодейства и грабительства, вырисовывается картина обширного народного восстания. Само самозванство Пугачева приобретает характер не цели, а лишь средства этого движения, средства по нынешним понятиям довольно своеобразного, но по тогдашнему времени пожалуй подходящего. Не надо забывать, что это восстание происходило полтора века тому назад, когда коснeвший в рабстве и невежестве народ и понятия не имел об иных формах правления, кроме царизма.

В стремлении к освобождению себя от непосильного ига помещиков, народные массы шли по линии наименьшего сопротивления, прикрывая свое восстание именем низвергнутого царя. В этом вовсе не следует усматривать особую привязанность народа к Петру III. Поскольку его имя было гонимым, оно привлекало к себе симпатии таких же гонимых людей. Почему же в борьбе против дворянства и его царицы не использовать имя ее мужа, тем более, что это может оказаться очень полезным.

Так и поступил смышленный донской казак. Его имя—Пугачев—ничего широким массам не говорило. Прикрывшись же именем Петра III, он сделался надолго памятным. Несомненно, что не только сам Пугачев, но и его ближайшие соратники прекрасно знали во имя чего все это совершается. Таковы корни самозванства Пугачева. Связанное с его

именем движение выросло в атмосфере всеобщего бесправия и безграничного гнета. Оно было направлено против тогдашнего господствовавшего класса—дворянства, в первую голову, видя в нем своего кровного и непримиримого врага. Меньше здесь выпирались вопросы политические, вопросы власти. Но, поскольку дворянство являлось правящим классом, поскольку царское самодержавие опиралось на нем, это движение естественно было направлено против царизма. Дело нисколько не меняется от того, что оно шло под флагом Петра III. Это была одна внешность, но не внутреннее содержание движения.

IV.

Емельян Пугачев.

Внешне Пугачев отличался от Стеньки Разина; он был лишен всех черт, присущих атаману добрых молодцев. По общему описанию, Пугачев был среднего роста, плечистый. Подстриженные в кружок волосы ниспадали на лоб. Лицо его было типично крестьянское, с небольшой круглой, черной бородкой. Только глаза выделялись на этом бесцветном лице своей бойкостью, умом и лукавством. Происходил Пугачев из казаков Донской области, Зимовейской станицы. До зачисления на службу занимался хлебопашеством. Семнадцати лет он уже был послан в поход в Пруссию, где поступил в корпус графа Чернышева. Участвуя в ряде сражений, проявил

расторопность, чем обратил на себя внимание полковника Денисова, который взял его к себе в ординарцы. Молодому казаку вскоре пришлось ознакомиться с нравами армейской среды и ее офицерства. Как-то ночью пруссаки произвели тревогу. В суматохе Пугачев упустил одну из лошадей Денисова. За это его «нещадно били плетьми». Таков был первый урок. Вернувшись из Пруссии на родину, Пугачев прожил там недолго, участвовал затем в походе на Польшу и в войне с Турцией. Последняя кампания дала ему чин хорунжего. По возвращении на Дон Пугачев уже не устроился оседло в своей станице, а начал метаться в поисках лучшей, вольной жизни. Одно время он подумывал уйти на Кубань. Затем попал на Терек, где пробыл недолго. По возвращении на Дон его неоднократно арестовывали за самовольный уход, но каждый раз он удачно убегал. В поисках лучшей жизни Пугачев пробрался однажды даже в Польшу, но и там не ужился. В Польше он сблизился с беглыми староверами. Полученные от них связи пригодились ему впоследствии, давая возможность в глазах староверов выдавать себя за человека, пострадавшего за древнюю веру.

По дороге из Польши Пугачев попал на Дон как раз в тот момент, когда в Царицыне разыгралась история с самозванцем Богомоловым. Пугачев мог наблюдать, с каким сочувствием отнеслись к новоявленному Петру III не только жители Царицына, но и донские казаки. В Сибирь Богомолов был от-

Емельян Пугачев.
(С гравюры XVIII века).

правлен в чрезвычайно таинственной обстановке, что дало повод говорить в народе, будто «Петр III» снова бежал. Разговоры эти и все виденное вероятно произвели на Пугачева большое впечатление. Не здесь ли следует искать первопричину его дальнейших приключений? На Дону Пугачев пробыл недолго, и вместе со своим товарищем Логачевым отправился в Симбирскую губернию, где узнал о бывших тогда беспорядках в яицком войске. Насилия правительства над казаками вызвали у Пугачева желание поехать туда и попытаться увлечь их уйти на Кубань, как это в свое время сделал атаман Некрасов после усмирения Петром булавинского бунта. С этими мыслями он и направился туда. По дороге к Яицкому городку (Уральску) Пугачев остановился на умете*) Степана Оболяева, известного в народе по прозвищу «Еремной Курицы». С ним Пугачев стал делиться своими планами об уводе казаков на Кубань. Мысли эти встретили со стороны «Еремной Курицы» полное сочувствие. Здесь же Пугачев познакомился с казаком Григорием Закладновым, который также одобрительно отнесся к мысли ухода на Кубань, ибо и без того казаки уже подумывают «всем войском бежать в Астрабад». Расставшись с новыми знакомыми, Пугачев 22-го ноября 1772 г. прибыл в Уральск и остановился у казака-старовера Дениса Пьянова. Как раз в это время стало известно решение следственной комиссии по делу о быв-

*) Постоялый двор.

ших в войске беспорядках. Согласно этому решению, 12 человек подлежали четвертованию, 47 человек повешению, 3 человека отсечению головы, 28 человек к нещадному бою плетьми. 53 бежавших казака по поимке подлежали также смертной казни. Имущество всех конфисковывалось. Наказанию подлежали даже дети осужденных, «дабы впредь от них яко происшедших от рода злодейственного, такового-ж поползновения к расширению к злу последовать не могло». Поэтому здоровых ребят следовало отдать в солдаты, а «негодных в страх другим наказать: от 15 до 17 лет розгами, а с 17 лет и выше плетьми». Помимо осужденных, все остальные казаки, числом 2.461, подлежали наказанию по усмотрению высшего войскового начальства. Легко себе представить, каково было настроение казачества в это время. Жалуясь на горькую участь казаков, Пьянов как-то высказал Пугачеву: «говорят, в Царицыне появился человек, называющий себя царем Петром Федоровичем. Одни рассказывают, будто бы его засекли на-смерть, другие—будто он убежал».

— Это правда,—ответил Пугачев,—в Царицыне появился государь, и он есть подлинный царь Петр Федорович. Хотя его в Царицыне поймали, однако же он ушел и вместо него замучили другого.

— Как можно этому статься? — возразил Пьянов,—ведь Петр Федорович умер.

— Неправда, — говорил Пугачев, — он также спасся в Петербурге от смерти, как и в Царицыне.

В дальнейшем он завел разговор о положении

яицких казаков, стал доказывать, что хорошо бы уйти на Кубань. На замечание Пьянова, что для такого большого дела нужны деньги, Пугачев возразил, что «на выход он даст по 12 руб. на семью». Это удивило Пьянова.

— Такие большие деньги бывают только у государей,—заметил он.

В ответ на это Пугачев ответил:

— Я—государь Петр Федорович; я-то и был в Царицыне, да бог меня и добрые люди сохранили, а вместо меня засекли караульного солдата.

С этого момента начинается историческое самозванство Пугачева. Несомненно, что это звание он здесь присвоил себе в связи с планами, родившимися в его голове насчет положения в яицком войске и ухода на Кубань.

Изумленный Пьянов вскоре сообщил кой-кому из казаков о слышанном, но те, видимо, встретили это известие без особого энтузиазма. По крайней мере, Пугачеву Пьянов сообщил, что казаки уход на Кубань признали великим делом и потому «надо со всеми казаками об этом поговорить тогда, когда они соберутся вместе на багренье». Пугачев попросил Пьянова сохранить в тайне свой разговор. Пробыв в Уральске неделю, он со своим спутником Филипповым уехал обратно в Мечетную. Филиппов по дороге отстал и, зная разговоры Пугачева о необходимости увести казаков на Кубань, боясь ответственности, донес об этом властям. Пугачева разыскали в Малыковке и арестовали. 4-го января 1773 г. его

доставили в Казанскую тюрьму. Здесь он просидел до 29-го мая. Сговорившись с другим заключенным Дружининым, они в этот день вместе с часовым солдатом Рыбаковым бежали, при деятельном соучастии местных раскольников, которым Пугачев говорил, что страдает «за крест и бороду». Видимо, до Петербурга уже дошли кой-какие сведения о Пугачеве, ибо известие о его побеге из казанской тюрьмы произвело там впечатление. 14-го августа граф Чернышев писал оренбургскому губернатору о необходимости следить за тем, чтоб Пугачев не появился в селениях, «особливо яицкого войска».

Пугачев действительно направился туда, на Таловый Умет, к своему старому знакомому «Еремвной Курице», который обрадовался его приезду. Здесь он прожил несколько дней, проводя время на охоте. Как-то раз в бане Оболяев спросил Пугачева, увидя на груди у него рубцы:

— Что это у тебя на груди-то?

Пугачев ничего не ответил, но, спустя час, уже дома, сказал ему:

— Давича, Степан Максимыч, ты парился со мной в бане, а приметил ли ты на мне царские знаки?

Оболяев ответил отрицательно.

— Прямая ты курица! О царских знаках даже не слыхал. Ведь каждый царь имеет на себе телесные знаки; вот я вам, когда яицкие казаки придут сюда, покажу их,—возразил Пугачев.

Оболяев снова удивленно спросил его, зачем ему эти знаки.

— Эй, ты, безумный, и догадаться даже не можешь, к чему я говорю; ведь я не донской казак, как тебе сказался, а государь ваш Петр Федорович.

На замечание Оболяева, что Петр Федорович умер, Пугачев возразил:

— Врешь, Петр Федорович жив, он не умер. Ты смотри на меня так, как на него. Я был за морем и приехал в Россию в прошедшем году. Услышав, что яицкие казаки приведены все в разорение, я нарочно для них сюда приехал, и хочу, если бог допустит, опять вступить на царство.

Испуганный Оболяев кланялся и просил не гневаться. Пугачев велел ему никому об этом не сказывать, кроме казаков войсковой стороны. Тот так и сделал. Приехавшему к нему казаку Закладнову он рассказал, что на умете живет Петр Федорович, прибывший вызволять казаков. Бывший при этом Пугачев подтвердил сказанное и попросил Закладного оповестить об этом казачество. Решительный шаг был сделан.

V.

«Амператор Петр Федоравич».

Хотя Пугачев во время первого пребывания у Пьянова и просил не разглашать «тайну» его происхождения, тем не менее слухи о «бежавшем царе»

широко распространились по войску. Узнав об этих разговорах, комендант Уральска полковник Симонов вознамерился даже арестовать Пьянова, но тот успел скрыться. Это было в мае 1773 г., как-раз в момент получения окончательного приговора по делу об убийстве Траубенберга и других. Хотя наказания и были значительно смягчены, а казни совсем отменены, тем не менее он больно ударил по казачеству материально, так как им предстояло платить большую сумму штрафа. Все это возбуждало народ, заставляло его чутко прислушиваться ко всяким слухам, могущим изменить к лучшему его положение. Поэтому разговоры о появлении Петра III на Яике, о его предашности войску пришли как раз кстати. После вторичного пребывания Пугачева на Таловом умете и его свидания с Закладновым эти слухи вылились в определенный сказ. Закладнов сообщил наиболее доверенным казакам, что Петр III преисполнен любви к казачеству и, если последние окажут ему помощь в восстановлении «своих исконных прав», то он пожалует им великую вольность. Таким образом для активного казачества вопрос сразу же ставился в плоскости взаимной выгоды. А если принять во внимание тяжелое положение казачества, то ясно станет, что для них собственно было безразлично подлинный ли это Петр Федорович или самозванец. Им важно было только иметь повод для выступления в защиту собственных интересов. Появления «Петра III» было достаточно, чтоб выступить с оружием в руках против угнетений правительства. Как увидим в даль-

нейшем, руководящая головка войсковой стороны прекрасно во всем этом отдавала себе отчет, зная, что Пугачев не император, а беглый казак.

Получив сообщения от Закладного, группа казаков прибыла на Талов умет, желая лично повидать Петра III. При этой первой официальной встрече Пугачев держал себя с большим достоинством, по-царски, использовав все свои познания о жизни царей, которые он, вероятно, обрел во время пребывания на военной службе. Из разговора с казаками он убедился, что будущему императору будет порой трудновато за его полной неграмотностью. Поэтому он прежде всего решил обзавестись грамотным человеком. Сделать это можно было только побывав у староверов на Иргизе, куда он в тот же день и выехал. Но там только случайность спасла его от нового ареста. Пришлось вернуться без канцлера на Таловый умет, где в ожидании его явления собрались будущие деятели восстания. Были среди них Зарубин (Чика), Шигаев, Мясников, Караваев, Чучков.

— Здравствуйте войско яицкое!—приветствовал их Пугачев.—Доселе отцы ваши и деды в Москву и Петербург к монархам езжали, а ныне монарх к вам сам приехал». Казаки низко кланялись. Пугачев просил принять его и взять на свои руки. Те отвечали готовностью служить. Небольшая заминка вышла все с теми «царскими знаками». Степенный Караваев как-то спросил:

— Ну, что батюшка, пред'яви-ка ты лучше нам свои царские знаки.

Пугачев не растерялся. Смело взглянув на Караваева, он ответил:

— Раб ты мой, а повелеваешь мною.

Тем не менее он показал казакам обнаженную грудь. Но так как казаки царей и цариц голыми никогда не видывали, то они вынуждены были признаться, что не могут отличить обычный шрам от «царских знаков». Поэтому Пугачеву не трудно было убедить их, что у него на виске герб и происходит он не от золотухи, а присвоен господом богом. Выдержав этот искус, Пугачев получил обещание казаков:

— Надейтесь на нас, мы вас не выдадим!

С этого момента собственно и начинается историческая Пугачевщина. В дальнейшем казаки именуют Пугачева «ваше величество», публично оказывая ему знаки, принадлежавшие царям. Это, конечно, не значит, что все они уверовали в подлинность его происхождения. Его правая рука в будущем Зарубин-Чика первый в этом тогда же усумнился. Свои сомнения он высказал Караваеву, знавшему Пугачева.

— Скажи правду, что это за человек, которого мы почитаем государем,—допытывался тот у него.

— Глупый ты, — отвечал Караваев, — разве не слыхал, что давно идет молва, что он государь.

Но Чика не унимался, все упрашивал Караваева сказать правду, обещая свято хранить эту тайну. Тот, наконец, сдался. Потребовав от Чики клятву, он ему сказал:

— Это не государь, а донской казак, но он вместо

государя за нас заступит, а нам все равно, лишь бы быть в добре.

Последнее было убедительнее всего. Раз речь шла об общем добре, Чика не возражал.

— Ну, ладно,—отвечал он,—так тому и быть. Значит это всему войсковому народу так надобно.

Но неугомонный Чика-Зарубин пошел еще дальше. Оставшись как-то с Пугачевым наедине, он прямо спросил его:

— Скажи-ка мне, батюшка, точно-ли ты государь?

— Точный я вам государь,—сурово ответил Пугачев.

Но Чика был не из трусливых.

— Нас батюшка, здесь немного,—возразил он,— только двоечка, а Караваев мне все рассказал о тебе, что ты за человек?

И Чика повторил слова Караваева о Донском казаке и данной им клятве хранить эту тайну. На откровенность Пугачев ответил тем же. Он признался Чике в своем самозванстве. Тот уверил его, что казакам все равно кто он.

— Если мы приняли тебя за государя, значит тому так и быть.

Чика все-таки не сохранил тайну, а поведал ее Мясникову. На того это не произвело никакого впечатления.

— Нам какое дело, государь он, или нет, мы из грязи сумеем сделать князя. Если он не завладеет

Московским царством, так мы на Яике сделаем свое царство.

И казаки принялись готовить для Петра III знамена и прежде всего одежду, подобающую его сану. Вместе с этим снова встал вопрос о «книжном человеке», так как надо же было по царскому обычаю возвестить особым манифестом о своем появлении, а Пугачев упорно отказывался писать, до тех пор, «пока не будет взята Москва». Был у казака Почиталина грамотный сын Иван. Ему еще не было восемнадцати лет, но в грамоте уже числился небывалым. Он-то и стал первым секретарем «императора».

В сентябре все эти приготовления дошли до властей и те не на шутку всполошились. Пугачева стали разыскивать, арестовывать его соучастников. Пришлось снова бежать и укрыться на Толкачевы хутора, находившиеся в 100 верстах от Уральска. Вместе с Пугачевым ушли туда и все окружавшие его казаки. Здесь Пугачев высказал мысль о необходимости составить манифест к народу. Казаки вполне с этим согласились, и Почиталину было повелено составить текст. Юноша сел на землю и без всякой помощи взрослых составил тот акт, который явился об'явлением войны царскому правительству. Закончив, Почиталин огласил текст манифеста, от которого казаки пришли в восторг.

«Самодержавного амператора, нашего великого государя Петра Федоравича всероссийского: і прочая, і прочая, і прочая.

Во пмянном моем указе изображено яицкому войску: как вы, други мои, прежным царям елужили до капли своей до крови, дяды и оцы вашы, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федоравичу. Когда вы устоити за свое отечество и ни истечет ваша слава казачья от ныне и до веку у детей ваших. Будити мною, великим государям, жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, государю императорскому величеству Петру Федоравичу, вин'ные были, и я, государь Петр Федоравич во всех винах прощаю и жалованию я вас: рякою с вер'шын и до усья и землею, и травами, и дениж'ным жалованьям, и свиньцом, и порахам, и хлебным правиян'там..

Я, великн государ амператор жалую вас Петр Федоравич.

1773 году септября 17-го числа».

— Это манифест, и вашему величеству необходимо подписась его,—сказал Почиталин.

Но Пугачев отказался это сделать.

— Подпиши сам, — сказал он ему. — До самой Москвы мне подписывать невозможно, для того, что не надобно мне казать свою руку и есть в онном великая причина.

Причина действительно была серьезная. Как мы знаем, Пугачев был неграмотен, хотя впоследствии ему и до Москвы пришлось ставить кой-какие каракули под манифестами.

VI.

Яицкий мятеж.

18-го октября состоялось первое выступление. На Толмачевых хуторах собралось до восьмидесяти вооруженных казаков. По приказанию Пугачева Почиталин огласил перед народом манифест. Когда чтение окончилось, казаки, все время стоявшие с поднятыми руками, заявили ему, что готовы служить. По его приказу были развернуты знамена и толпа двинулась по направлению к Уральску. С этого дня началась эпопея казацкого восстания. Хотя проживавшие по близости башкиры и другие инородцы сразу же примкнули к движению, тем не менее за все время первого периода мятежа руководящую роль играли казаки, вполне резонно рассматривавшие Пугачева, как собственное произведение. Их руководители составляли главный штаб восставших.

По дороге к Уральску Пугачев поймал атаманского разведчика Скворкина. По требованию казаков он был повешен; то была первая казнь. Подойдя к Уральску, пугачевцы заметили выставленную против них заставу с пушками у Чаганского моста. Пугачев предложил Почиталину написать войскам указ, который особым посланцем был вручен сотнику Окутину. Тот, не оглашая его, спрятал в карман. Заметив это, бывшие в заставе казаки потребовали оглашения «манифеста». Получив отказ, они взбунтовались и частью тут же перешли в стан пугачевцев. Таким образом, первая встреча с правительственными вой-

сками окончилась для Пугачева более нежели благополучно. Но взять Уральск он все-таки не решился, опасаясь артиллерийского огня. В тот же день восставшие разбили другой отряд, высланный против них под командой старшины Витошнова. Часть захваченных офицеров были казнены. Все это предопределило ход восстания. Рядовые казаки по доброй воле присоединялись к Пугачеву, не сопротивлявшемуся офицерству дарили жизнь, а остальных вешали. Отойдя от Уральска после артиллерийского обстрела, Пугачев по совету казаков направился на завоевание тех небольших укреплений—форпостов, которые тянулись по реке Япку до Илецкой станицы и предназначались для защиты от кочевавших в степи инородцев. Все они без сопротивления были заняты, команды влились в пугачевский отряд, получивший здесь кой-какую артиллерию. Подойдя к укрепленному Илецкому городку, Пугачев послал указ на имя атамана Портнова. «Докажите мне,—писал он,—свою верноподданническую ревность тем, что во-первых, ожидайте меня великого государя к себе с истинною верноподданническою радостию и из городка на встречу мне со оружием своим вытти и положите оружие свое перед знаменами моими». Обещая за это «жалованья, провианта, пороха и свинцу», указ грозил в случае отказа дать «почувствовать сколь жестоки приготовлены муки изменникам моим. А когда атаман или старшины вам, редовым казакам, попрепятствуют, то и самих их поневолею пред меня привести, за что награжден тот, кто приведет их будет».

Когда содержание манифеста стало известно казакам, то после недолгого обсуждения они решили сдаться. Впервые Пугачев вошел в город как император Петр III. Под этим именем его встретило духовенство в церкви и народ присягал на площади. Портнов же был повешен. В Илецком городке пугачевцы пробыли два дня. Забрав из крепости всю артиллерию и гарнизон, они двинулись к Разсыпной крепости, которую взяли после небольшого столкновения. Продвигаясь вперед, пугачевцы брали одну за другой местные укрепления и уничтожили высланный против них отряд, под командой капитана Сурина. 26-го сентября они наткнулись на сопротивление Нижне-Озерной крепости. Артиллерийский огонь уже не пугал их, и после двухчасового боя она была взята.

При первых известиях о выступлении Пугачева, местные власти не придавали этому особое значение. Но когда стало известно, что он овладел почти всей укрепленной линией реки, против мятежников были выдвинуты отряды регулярных войск, сконцентрировавшиеся в Татищевой крепости. 27-го сентября к ней подступил Пугачев.

Гарнизон крепости состоял из 1.000 человек при 13 орудиях. На предложение сдаться, крепость ответила отказом. Восставшие кинулись в атаку двумя колоннами. Одной командовал Пугачев. Увидя близ укреплений стога сена, он приказал зажечь их. Начавшийся пожар вызвал в крепости панику, чем воспользовались пугачевцы и захватили ее после корот-

кого боя. Эта победа доставила Пугачеву не только много амуниции, провианта, пороха и орудий, но сделала его хозяином важного стратегического пункта, лежавшего на пути к Оренбургу. По дороге туда лежала еще крепость Чернореченская, которую мятежники через три дня захватили, очутившись в 28 верстах от Оренбурга.

Губернатор Рейнсдорп, вначале не оценивший выступление Пугачева, неожиданно для себя оказался лицом к лицу с восставшими. Никаких сил, способных противостоять мятежникам, в городе не было. Спасла положение ошибка Пугачева. Видимо в начале восстания перспективы движения не были ясны ни для него, ни для руководящей группы казачества. Острое недовольство широких народных масс им не учитывалось. Казаки же рассматривали все дело с собственной, казачьей точки зрения. Поэтому после падения Татищевой крепости Пугачев вместо того, чтобы двинуться на Волгу, что сделал впоследствии, он направил все силы на Оренбург. Но здесь проявил нерешительность. Не зная положения города и опасаясь поражения, он упустил момент, дав властям возможность организовать оборону. И хотя двинутые из разных пунктов части порой переходили на сторону восставших, тем не менее Рейнсдорпу удалось подтянуть к Оренбургу кой-какие части. Пугачев же, намереваясь увеличить свои силы, в обход Оренбурга направился к татарам, а оттуда к яицким казакам в Сакмарском городке. По дороге им был послан указ к башкирам, с призывом присоединиться к мятежу.

2-го октября был занят Сакмарский городок, что отрезало Оренбург от остальной России. Но Пугачев здесь пробыл недолго. Забрав способных носить оружие, он двинулся на Оренбург, предварительно послав Рейнсдорпу указ, предлагая сдаться. Получив отказ, отряды пугачевцев подошли к укреплениям города, окружив его со всех сторон. Силы Пугачева в это время исчислялись в 2.300 человек, при 20 орудиях. За укреплениями Оренбуга сидело не больше людей, но у них было больше орудий. Поэтому Пугачеву приходилось только блокировать город, рассчитывая изнутри разложить гарнизон, для чего им не раз тайно посылались туда свои люди.

В то время, как Пугачев со своим отрядом оказался прикрепленным к Оренбургу, движение уже без его личного участия начало расширяться. Действуя только именем Петра III, казачьи отряды распространились по всей области, низвергая везде правительственную власть, истребляя помещиков и объявляя крепостным волю. Одновременно поднялись угнетенные национальности—киргизы, башкиры, которым пугачевские манифесты обещали жаловать «землюю, водою и травами, и ружьями и провиянтом, реками, солью и хлебом, и свинцом, от головы до ног обую». Восставшими были заняты Верхне-Озерная, Пречистенская и Красногорская крепости, Нежинский и Вяловский редуты, городок Сорочинск. Везде жители охотно присоединялись к ним.

Видя подпольную деятельность агентов Пугачева в Оренбурге, губернатор Рейнсдорп решил применить

этот же метод в борьбе с восставшими. В оренбургской тюрьме в это время содержался известный в крае «гулящий человек» Хлопуша, не раз битый кнутом за свои деяния. Его-то Райнсдорп и сделал своим агентом. Вручив четыре воззвания к казакам, он предложил ему пробраться в стан Пугачева и рассказать «всем, что он не государь». Хлопуше предлагалось подобрать «партию и увезти Пугачева в Оренбург». Вчерашний кандальник с радостью согласился выполнить губернаторское поручение, забрал указы и явился прямо к Пугачеву, вскоре став его деятельным помощником.

Операции под Оренбургом выявили Пугачеву роль тяжелой артиллерии, без которой не представлялось возможным взять город. Но где ее взять? Тут-то у него и созрела мысль обратиться к рабочим за помощью. На уральских заводах, где тогда отливались пушки и ядра, работали крепостные. Положение их было, пожалуй, хуже, нежели крестьян. Нетрудно было поднять их на восстание. Но пугачевцы добились большего. Рабочие стали работать для восставших, снабжая их оружием. По тогдашнему это было огромное достижение, указывающее на наличие известной организации среди мятежников. Отправляя своих эмиссаров по округе, Пугачев решил послать Хлопушу к рабочим на Авзяно-Петровский завод.

— Возьми ты двух казаков, — говорил ему Пугачев,—поезжай туда и об'яви указ и если будут согласны мне служить, то посмотри, есть ли мастера лить мортиры и если есть, то прикажи лить.

В этом указе Пугачев писал:

«Исправьте вы мне, великому государю, два мартила и из бомбами и в скорым поспешением ко мне представте; и за то будите жалованы крестом и бородою, рекою и землею и всякою вольностью. И повеления моего исполнити, со усердием ко мне приказ чайте, то совершению меня за онае преобрести можити к себе мою монаршескую милость». Хлопуша отправился по назначению и выполнил поручение блестяще. Авзяно-Петровский завод принадлежал тогда Евдокиму Демидову. Работало на нем 4.784 человека. Все они присоединились к восставшим, дав им не только орудия и снаряды, но и опытную к ним прислугу, сумевшую стрелять лучше канониров регулярной армии. Одновременно с этим к пугачевскому стану со всех сторон стягивались вооруженные отряды крестьян и казаков. Прибыли и рабочие с медноплавильного Преображенского завода, привезшие с собой кроме денег, пять пушек и большое количество пороха. Нестройные ватаги понемногу дисциплинировались, приобретая характер настоящего войска.

VII.

Осада Оренбурга.

Увеличив свои силы, Пугачев окружил Оренбург тесным кольцом, изредка обстреливая его из орудий. Все вылазки осажденных оканчивались неудачно, и

городу начал угрожать голод. Положение ухудшилось с наступлением морозов. Но и осаждавшим было не лучше. К зимней кампании они совершенно не были подготовлены. Видя гибельное положение своего войска, Пугачев отвел их к реке Сакмаре между Бердой и Маячной горой, в 5 верстах от Оренбурга, где они расположились в домах и сараях. Осада продолжалась.

Тем временем в Петербурге было решено спешно выслать для подавления восстания специальный отряд, под начальством генерала Кара. 30-го октября он был уже в Казанской губернии и выступил в поход, имея при себе три с лишним тысячи человек, правда, не совсем годного боевого материала, и восемь пушек. Двигаясь тремя колоннами, Кар намеревался охватить Пугачева под Оренбургом с трех сторон и уничтожить. В предстоящей победе он не сомневался. Единственное, что его беспокоило, это—как бы мятежники не убежали. Уж очень ему хотелось привести Пугачева Екатерине II. О повстанцах он был самого презрительного мнения, полагая, что они состоят «из сущей сволочи». Очень скоро он убедился в своей ошибке. Послав полковника Чернышева в обход, дабы отрезать Пугачеву пути отступления, сам Кар, не связавшись с войсками, шедшими из Сибири, быстро продвигался к Оренбургу. 7-го ноября он получил известие о восстании на Авзяно-Петровском заводе и о выступлении Хлопуши с артиллерией на соединение с Пугачевым. Желая перехватить его и отбить пушки, Кар приказал майору Шишкину занять

деревню Юлееву и здесь напасть на Хлопушу. Но за передвижением Кара внимательно наблюдали в пугачевском лагере. Не успел еще Шишкин занять Юлеево, как его атаковал пугачевец Чика. Бой длился целый день без видимого успеха. В это время пугачевцы узнали о движении роты гренадер на помощь Кару. Выйдя им навстречу под командой Овчинникова, они неожиданно напали и захватили всех гренадер в плен. Звуки артиллерийской стрельбы долетали до становища Кара. Не имея связи с отрядом гренадер, он решил, что пугачевцы его самого окружили. Старому генералу, вчера думавшему о том, как бы Пугачев не сбежал, пришлось подумать о собственном спасении. И действительно, утром, покончив с гренадерами, Овчинников стал окружать Кара. У повстанцев была хорошая артиллерия, а у Кара же всего один восьмифунтовый единорог и четыре трехфунтовые пушки, из которых небезопасно было стрелять. К тому же канониры—рабочие стреляли, по словам Кара, «не так, как бы от мужиков ожидать должно было». Метким огнем они заставили молчать орудия Кара, чем внесли в его отряд панику. Часть вооруженных крестьян перебежали к восставшим. Кое-как собрав свой отряд и потеряв 123 чел., Кар, отстреливаясь, начал отступление. Но этим злоключения его отряда не закончились. Посланный им для захода в тыл Пугачеву отряд под начальством полковника Чернышева 13-го ноября приблизился к крепости Чернореченской, в 18 верстах от Оренбурга. Пугачев знал о его движении. Когда отряд расположился

на ночь, к Чернышеву были приведены пять казаков и солдат Крылов, захваченные из стана Пугачева. На самом деле это была пугачевская разведка. Они заявили Чернышову, что если он останется ночевать в Черноречинской, то будет атакован Пугачевым, и предложили свои услуги, чтоб провести отряд обходными тропами в Оренбург. Чернышев попался на эту удочку, ночью выступил и был приведен прямо в руки Пугачева. После короткого боя весь отряд был взят в плен и присягнул Петру III, а 32 офицера были повешены. Таким образом эти мудрые стратеги, разделив свое войско на части, дали Пугачеву возможность порознь уничтожить себя. Ликование в стане победителей было очень велико и отчасти благодаря этому они проморгали отряд Корфа, прорвавшийся в Оренбург. Появление помощи ободрило Рейнсдорпа и на следующий день, 14-го ноября, он предпринял вылазку. Отряд в 2.400 человек с 22 пушками под командой генерала Валенштерна атаковал пугачевцев в пяти верстах от города. Пугачев немедленно выступил с отрядом, при 40 орудиях и разбил Валенштерна. При этом он применил новый способ передвижения орудий — часть была снята с колесных лафетов и помещена на полозья. Прогнав Валенштерна, Пугачев снова обратился к Рейнсдорпу с предложением сдаться — «А будешь в такомже ожесточении и суровости остаться, то уже неминуемо навлечете на себя праведный наш гнев». Ответа и на это предложение не последовало.

За свои победы Хлопуша был произведен в пол-

овники и назначен командиром крестьянских частей.

— Я грамоте не знаю,—заметил Хлопуша,—а потому и управлять людьми не способен.

— У нас и дубина служит вместо грамоты,—ответил ему Пугачев.—Вот если что украдешь, то и за алтын удавлю.

И действительно, безграмотные вожди восстания проявили чрезвычайно много находчивости и военной смекалки, в чем на собственных шеях убедились офицеры и генералы Екатерининской армии. Рассматривая ныне военные операции повстанцев, мы видим, как много нового они внесли в тогдашнюю тактику военного дела. Передвижные батареи, маскировка, рассыпной строй — все это родилось в недрах народного восстания, нещадно било по обескураженным генералам, привыкшим к рутине старых учебников. Это, конечно, не значит, что Пугачев не делал стратегических ошибок. Главнейшая из них была — прикованность к Оренбургу, взятие которого уж не было столь необходимо. Петербург сразу оценил эту ошибку. «Можно почесть за счастье,—писала Екатерина Волконскому,—что сии канальи привязались два месяца целые к Оренбургу, а не далее куда пошли». Происходило это, вероятно, благодаря неограниченному влиянию казаков, которые не особенно склонны были расширить движение за счет крестьянского восстания.

Рост повстанческой армии и беспрерывные столкновения требовали в большом количестве боевые

материалы и продовольствие. С этой целью Пугачев предпринял две экспедиции. Хлопуше было приказано взять Верхне-Озерную крепость, где были большие запасы, а Чика, Ульянов и Антипов были направлены на Воскресенский завод. В указе на имя приказчика Беспалова Пугачев писал: «Исправить тебе великому государю пять гаубиц и 30 бомбов и которая из дела выйдет гаубица, представить бы тебе в скором поспешении и не жалеть бы государевой казны, сколько потребно давай».

Экспедиция Хлопуши, несмотря на прибытие самого Пугачева не удалась, главным образом благодаря участию в защите Верхне-Озерной крепости польских конфедератов *). Отойдя от Верхне-Озерной пугачевцы захватили, разрушили Ильинскую крепость и вернулись обратно в свою ставку в Берду. В это время восстание охватило весь башкирский край. По просьбе башкир Пугачев послал к ним главнокомандующего Чику-Зарубина. Одновременно с этим восстание сделало большие успехи в Самарской губернии. Военные силы Пугачева в это время исчислялись в 15.000 человек, при 86 пушках. Существовала довольно правильная организация. Войско было разделено на полки. Главнокомандующим был Андрей Овчинников. Каждый полк имел свои знамена желтого или красного цвета. Даже будущие усмирители вынуждены были признать, что эту

*) Арестованные и сосланные на Урал участники польских восстаний.

армию народ снабжал добровольно «без чувствования тягости, обнадеясь на обещанные льготы и вольность». Для управления краем была создана «военная коллегия», во главе которой поставлен был Иван Творогов. Это было что-то вроде правительства. С момента создания коллегии указы стали издаваться от имени Петра III — И. Твороговым.

Разбитый под Оренбургом ген. Кар понял, что имел дело не с «явной сволочью», а с настоящим народным ополчением. Поэтому он сразу отказался от дальнейших операций против Оренбургской осады с теми силами, которыми располагал, и обратился в Петербург за помощью. Он просил прислать корпус регулярных войск, хорошо снабженный артиллерией. В этом ему было отказано. Тогда он, передав отряд генералу Фрейману, лично направился в Петербург, но был в Москве задержан и уволен. Успехи Пугачева не на шутку напугали Екатерину. Генералу Бибикову было приказано стать во главе войск, действовавших против повстанцев. 27-го ноября были отданы приказы о направлении к Оренбургу ряда пехотных и кавалерийских полков. За голову Пугачева была назначена крупная сумма денег в 10.000 рублей. Борьба с Пугачевщиной из мелкого инцидента превратилась в дело большой государственной важности.

VIII.

Рост восстания и первое поражение.

В то время, как Пугачев оставался в своей ставке в Берде, движение приняло огромные размеры в районе между Уралом и Камой, успев вклиниться к Волге.

Посланный по приглашению башкир в район Уфы, Чика-Зарубин (к этому времени принявший титул «графа Чернышева»), создал новый очаг восстания, прекрасно использовав недовольство крепостных заводских рабочих.

Энергичный, умный, более дальновидный, чем сам Пугачев, Чика по прибытию к Уфе сразу наладил известный порядок во всем районе. Воспользовавшись смутой, башкиры кинулись грабить русские поселения и заводы. Подобный образ действий мог легко восстановить народ против Пугачева. Чика, опираясь на свои неограниченные полномочия, издал ряд приказов против грабежей мирного населения и беспощадно расправлялся с грабителями. В этом отношении Пугачев всецело поддерживал его. «Да и впредь,—писал он ему,—если такие злодеи, хотя из малого чего окажутся, то не приемля от них никаких отговорок и не возя сюда, чинить смертную казнь, дабы впредь того чинить другие не отважились». Населению, примкнувшему к повстанцам, стали выдавать охранные грамоты, защищавшие их имущество. Экспроприации подлежало лишь достояние по-

мещиков и казны. На нужды повстанческой армии народ добровольно давал печеный хлеб, овчины, сукна.

Отправляясь под Уфу, Чика захватил с собой помощником Илью Ульянова и 30 рабочих с Воскресенского завода. По дороге этот небольшой отряд вырос до 8.000 человек, преимущественно рабочих, при 50 пушках. Устроив свою ставку в Чесноковке, он издал приказ о мобилизации, равномерно распределив ее между всеми жителями. Семействам мобилизованных велено было отпускать довольствие из казенных или общественных магазинов. В инструкциях Чика предписывал «никаких обид, налогов и разорений не чинить и ко взяткам не касаться, опасаясь неизбежной смертной казни». Военные операции против Уфы развивались медленно. Зарубин ограничился блокадой города, устремив все свои силы на овладение округой. После занятия Красноуфимска, он отправил две экспедиции для захвата важных в стратегическом отношении городов Кунгура и Челябинска. Третий отряд под командой Ивана Белобородова, игравшего уже в это время видную роль в движении, направился к Екатеринбургу.

После ряда боев, все экспедиции потерпели поражение,—взять города не удалось. Но весь район был полностью во власти Зарубина. На юге к этому времени выступивший в поход, по приказанию Пугачева, атаман Арапов занял Бузулук и, двинувшись к Волге, по дороге занял укрепления Ельманскую, Борскую, Красно-Самарскую и Мочинскую. По мере продвижения повстанцев, к ним здесь присоединялись поме-

щичьи крестьяне, во главе которых Арапов, 25-го декабря, занял Самару. Народ встретил его криками: «Здравствуй наш батюшко Петр Федорович»!

Но с этого момента начинается перелом в ходе кампании первого периода. Военные действия правительства с начала 1774 г. приняли более планомерный характер. Убедившись в невозможности сокрушить восстание местными силами, из центра были двинуты регулярные войска. В январе была взята Самара, и следом за ней вся область от границ Башкирии до Волги и на юг до реки Кинели была очищена от повстанцев. Осада же Оренбурга продолжалась. Со слов беженцев, Пугачев знал о царившем в городе голоде, надеялся взять его измором и поэтому бросил часть войск, под командой Толкачева, против Уральска. Толкачев быстро овладел неукрепленной частью города, но полковник Симонов засел в крепости и отказался сдаться. 7-го января к Уральску прибыл Пугачев. По его указаниям, было приступлено к сооружению подкопа под крепость. Сам он руководил работой, проявляя несомненное знание минного дела. Когда подкоп был готов, взорванная мина разрушила только небольшую часть укреплений. Следом за взрывом казаки, среди которых было много женщин, кинулись на штурм, но были отбиты. Эта неудача не обескуражила Пугачева. По его указанию, казаки соорудили другой подкоп под колокольню, которую и взорвали 19-го февраля, снова без видимого успеха. Таким образом полковник Симонов продолжал держаться в центре занятого города.

Воспользовавшись от'ездом Пугачева в Уральск, Оренбургский губернатор сделал попытку разгромить Берду. Против ставки пугачевцев был двинут сильный отряд под командой генерала Валенштерна. 13-го января он выступил из города, но атакованный казаками вынужден был вернуться в Оренбург, потеряв 8 орудий и около 400 человек. Совершенно не зная, что делается в Берде, генерал Рейнсдорп пытался изловить казаков под крепостью, где им были расставлены капканы, вызвавшие только у них насмешки. Не видя помощи, Рейнсдорп обратился к восставшим с воззванием, обещая им полное прощение, если они добровольно разойдутся. Вернувшийся к этому времени в Берду Пугачев приказал ответить губернатору. «Сатанину внуку, дьявольскому сыну, писали казаки. Прескверное ваше увещание здесь получено. Ведай мошенник, да и по всему тебе бестии знать должно, сколько ты ни пробовал своего всескверного счастия, служишь единому своему отцу—сатане. Разумей, хотя ты по действу сатанинному во многих местах капканы расставил, однако ваши труды остаются вотще и на тебя здесь хотя Варавиных не станет петель, а мы у мордвина хотя гривну дадим, да на тебя веревку свить можем... А здесь не безизвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете». Веселое настроение казаков об'яснялось известием о новой победе Хлопуши, захватившего Илецкую защиту, где было много провианта, пороха и орудий.

Но следом за этим наступили тяжелые дни. Упорно продвигаясь вперед, правительственные вой-

ска достигли линии крепостей. Пугачев решил дать бой у Татищевой, которую укрепили под его руководством. За стенами крепости засели лучшие части повстанцев. В конце марта правительственные войска подошли к Татищевой и после кровопролитного боя взяли ее. Пугачев в сопровождении четырех человек еле успел ускакать. Повстанцы потеряли одними убитыми 2.495 человек.

Царское правительство торжественно праздновало первую крупную победу над лучшими силами Пугачева. Но до общего успеха было еще далеко.

Осаждавший Уфу Чика-Зарубин повторил здесь ту же ошибку, что Пугачев под Оренбургом,—он привяз к ней после того, как троекратный штурм города не привел к победе. Тем временем правительство двинуло против него отряд под начальством сначала Ларионова, а потом Михельсона. Двигаясь от Казани, он имел беспрерывные столкновения с повстанцами, но получить от пленных сведения о количестве неприятеля не удавалось, ибо, как доносил Михельсон: «из них злодеев ни один живой не сдавался». 24-го марта он добрался до ставки Зарубина—Чесноковки, где был атакован повстанцами. Несмотря на прекрасное маневрирование и отчаянную храбрость, армия Зарубина была разбита и отступила, понеся большие потери. Чика-Зарубин вместе с Ульяновым, Губановым и другими руководителями направился в Табынск, надеясь поднять там народ, но все они были захвачены, скованы и выданы Михельсону. Уфа была освобождена. Рассыпавшиеся по округе мелкие по-

встанческие отряды постепенно истреблялись, причем особо яростно бились татары и башкиры, предпочитавшие погибель плену.

Покончив с Зарубиным, правительственные войска двинулись в район уральских заводов, где энергичную деятельность развивал Иван Белобородов. Захватив всю область, он своими передовыми частями дошел до Екатеринбурга, почти блокировав его. Довольно долго пришлось правительственным войскам повозиться, пока они очистили Урал от повстанческих отрядов. И Белобородову удалось с небольшим отрядом прорваться через Верхние и Нижние Киги и соединиться с Пугачевым.

После своего поражения под Татищевой, в сопровождении Почталина, Кузнецова, Коновалова и Бородина, Пугачев примчался в Берду, где Шигаев продолжал держать команду. Как только казацкой головке стало известно о разгроме, в ее среде зародилась мысль о необходимости арестовать Пугачева и этой ценой спасти свою жизнь. В ту же ночь Бородин перебежал в неприятельский лагерь и сообщил генералу Райнсдорпу о положении в Берде. Но тот, будучи напуган бесчисленными поражениями, не решился на атаку. 23-го марта Пугачев с 2.000 наиболее надежных людей, кой-что узнав о заговоре, покинул Берду и направился к Переволоцкой крепости. Преследуемый лыжниками отряда Голицына, он быстро овладел по дороге Сакмарским укреплением, где его застигли правительственные войска. После небольшого сражения повстанцы были разбиты.

Здесь Пугачев потерял своих главнейших помощников: Шигаева, Почиталина, Горшкова, Падурова, Жилкина, взятых в плен. В это же время в Каргале был захвачен Хлопуша, которому по постановлению Секретной Комиссии повелено было «отсечь голову и для вечного зрения посадить на кол, а тело предать земле».

Сам Пугачев с отрядом в 500 человек прорвался в Башкирию.

Поражение под Татищевою освободило Оренбург от осады. Известие об этом дошло до Уральска почти одновременно с приближением к городу отряда правительственных войск. Казаки вначале пытались сопротивляться, но, потерпев поражение, связали своего выборного атамана Каргина и 16-го апреля пришли с повинной к полковнику Симонову. Осада Уральской крепости закончилась.

Одновременно с поражением восстания в районе между Камой, Уральском и Волгой ту же участь разделило движение, перебросившееся за Уральский хребет, в Сибирские равнины. Войска сибирской линии нанесли повстанцам ряд поражений. Таким образом к весне 1774 г. движение в целом было, как будто, подавлено. В действительности, как видно будет, этими поражениями завершался только первый период восстания, возглавлявшийся казачеством. Для правительства Екатерины самое трудное предстояло еще впереди.

IX.

Крестьянское восстание.

Второй период Пугачевщины резко отличается от выступления уральского казачества. Лишенное всех черт военного предприятия, при наличии более или менее опытных в этом деле казачьих масс, он превратился в огромное стихийное восстание крепостного крестьянства против помещиков. Поднялась под'яремная Русь на своего классового врага. При этом следует определенно указать, что роль Пугачева как «императора Петра III», здесь играла значительно меньшую роль. Меньше всего крестьян интересовал вопрос династический, кому быть на троне— Екатерине или Петру III. Гораздо важнее было для них знать,—долго ли оставаться им в рабстве. Поэтому крестьянство охотно откликнулось на призывы восстать против помещиков. Пугачев несомненно учел новую обстановку, применился к ней. Это видно из манифестов, изданных им в этом периоде.

Уйдя к башкирам, укрывшись от преследования правительственных войск в степи, он обосновался на Белорецком заводе, где быстро оброс новыми кадрами повстанцев. Отсюда он направился к Магнитной крепости, которою и овладел после боя 5-го мая, куда прибыл и Белобородов с остатками своих рабочих отрядов. Вскоре туда же пробрался отряд яицких казаков под командой Овчинникова и Перфильева. Таким образом ядро восстания было восстановлено. Не задерживаясь в Магнитной, Пугачев совершил ряд длин-

ных переходов, овладел рядом степных укреплений и 19-го мая неожиданно захватил Троицкую крепость. Но здесь его застигли войска генерала Деколонга и после кровопролитного боя, 21-го мая, он был разбит. Отряд повстанцев рассеялся, чтобы через несколько дней снова собраться близ Кельской крепости, где произошла встреча с отрядом Михельсона. Отличительной чертой тактики повстанцев была их бешенная активность. При малейшей надежде на успех они всегда первыми атаковывали врага. Так было и на этот раз. Видя малочисленность отряда Михельсона, Пугачев атаковал его, смял кой-какие части, но в конце-концов был разбит и вынужден бежать. Правительственные войска постепенно охватывали повстанцев и Михельсон уже мечтал об аресте Пугачева. Тот, пробыв четыре дня на реке Миасс, собрал отряд в 2.000 человек, сжег ряд заводов и 3-го июня неожиданным нападением у деревни Киги попытался уничтожить Михельсона, но из этого ничего не вышло; пришлось снова бежать. Последняя неудача заставила Пугачева отказаться от уральской кампании и круто повернуть в сторону Волги. Подготовляя почву для выступления, Пугачев обратился к населению с рядом манифестов, всюду встречавших сочувственный отклик. В середине июня повстанцы появились близ Осы, что на Оке. После короткого сопротивления город был взят 21-го июня. Дорога на Казань была открыта. То была полная неожиданность для правительства, менее всего ожидавшего появление Пугачева на Волге. Один за другим сда-

вались мелкие города. Пламя восстания, быстро разгораясь по обоим берегам Камы, неудержимо двигалось к Волге, угрожая Казани в первую очередь. 10-го июля повстанцы были атакованы отрядом Толстого, но очень быстро уничтожили его. Вокруг Пугачева создалась новая, крестьянская армия, доходившая до 20.000 человек. Правда, она была плохо вооружена и менее опытна, нежели казаки. 11-го июля Пугачев уже был под Казанью, которая на предложение сдаться ответила отказом. На следующий день, разбив свои войска на четыре колонны, Пугачев бросился на штурм укреплений и к вечеру овладел городом. Остатки правительственных войск заперлись в Кремле. Город частью был разграблен, частью сожжен. Но на следующий день к Казани подошли части Михельсона. Пугачев оказал ему яростное сопротивление. «Злодеи, писал Михельсон, меня с великим криком и с такой пушечной и ружейной стрельбой картечами встретили, какой я, будучи против разных неприятелей, редко видывал и от сих варваров не ожидал». Бой длился пять часов. Победили регулярные войска. Повстанцам пришлось отступить к реке Казанке, где они задержались. Здесь, опираясь на массы восставшего крестьянства, Пугачев сформировал новый отряд в 12.000 человек и 15 июля предпринял новую атаку на Казань. О характере этого боя красноречиво доносил Михельсон: «злодеи на меня наступали с такой пушечною и ружейною стрельбою и с таким отчаянием, коего только в лучших войсках найтить надеялся».

Кровопролитие длилось четыре часа, но вернуть Казань Пугачову не пришлось. Во время отступления он потерял своего ближайшего, наиболее талантливого помощника Ив. Белобородова, захваченного в плен. 5-го сентября в Москве он был обезглавлен.

После поражения под Казанью, правительство, полагая, что Пугачев намерен двинуться на Москву, направило в эту сторону свои силы. Но тот поступил иначе. Перейдя Волгу, он окунулся в настоящее море народного восстания, которое охватило весь этот район, где крепостное право сугубо давало себя чувствовать. Помещичьи хозяйства к этому времени вели обширную хлебную торговлю. Из Поволжья вывозилось огромное количество пшеницы. Подневольным рабским трудом здесь создавались огромные богатства вельмож. Там особенно жесток был помещичий кнут, много было и горя и ненависти кругом. При первом же появлении повстанцев, запылала храмина дворянского благополучия. Из деревни Нерадовой Пугачев обратился с следующим манифестом к крестьянам: «Божией милостию мы, Петр Трети. iмператор i самодержец всероссийски i протчая, i протчая, i протчая.

Обовляется во всенародное известие. Жалуем сим iменным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех находившихся прежде в крестьянстве i в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне i награждаем древним крестом, i молитвою головами i бородами, вольностию и свободою и вечно козаками не требуя

рекрутских паборов подушпых и протчих депежных податей, владением, землями, лесными, сенокосными угодьями і рыбпыми ловлями, і соляпыми озерами без покупки и без оброку и освобождаем всех прежде чипимых от злодеев дворян и градских мздоистцов-судей крестьяном и всему пароду палагаемых податей и отягощепиев. И желаем вам спасения душ и спокойпоі в свете жизпи для которої мы вкусили и претерпели от прописапных злодеев дворян стренствие и не малые бедствии. А как пыпе имя наше властью всевышпей деспицы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имяппым указом: кои и прежде были дворяне в своих поместиях и водчинах, оппых противпиков пашей власти і возмутителей імперії і раззорителей крестьяп ловить, казнить и вешать и поступать равпым образом так, как они пе имея в себе христианства чипили с вами крестьянами. По истреблении которых противников і злодеев дворяп всякої может возчувствовать тишину і спокойпую жизпь, коя до века продолжатця будет.

Дай июля 31 дпя 1774 год.

ПЕТР».

Легко себе представить, как были приняты крестьяпством эти призывы, скрепленные царским имепем. В восставшем районе все удары сразу обрушились па помещиков. Одпако следует заметить, что не все опи поголовпо истреблялись. В ставке Пугачева иногда производились расследования и если

оказывалось, что помещик с крестьянами был не столь лют, ему дарили жизнь. Манифест составлен был кем-либо из знавших не только крестьянскую жизнь, но и их затаенные чаяния. В этом документе, вышедшем свыше 150 лет тому назад, мы находим положительно крестьянскую программу вчерашнего дня, их главные требования — землю и волю.

Видимо бесповоротно отказавшись от похода на Москву, Пугачев стремительно двинулся на юг, оставляя за собою зарево пожаров в охваченном восстанием краю. Крестьянство массами стекалось к нему, но тот брал с собой только конных, предлагая остальным составлять отряды и действовать в собственной округе. Не задерживаясь в мелких городах, повстанцы двигались вниз к Волге, старой дорогой Стеньки Разина. Это движение совершенно расстроило планы генералов правительственной армии, полагавших, что Пугачев будет двигаться на север. Даже Екатерина II вынуждена была признать, что «Пугачев столь грубый разбойник умеет однакоже отыгрываться от наших генералов» 1-го августа была взята Пенза, а 4-го Пугачев уже был в Петровске. На следующий день он выступил к Саратову, имея не более 4.000 человек при 12 орудиях. Подойдя 6-го к городу, он предложил коменданту сдаться, но получив отказ, приступил к бомбардировке. В этот момент часть правительственной артиллерии перешла на сторону повстанцев. Это решило участь Саратова, который был тотчас же занят. Уцелевшие защитники города отошли к Царицыну.

Получив сведения о приближении правительственных войск с севера, Пугачев 9-го августа двинулся дальше и через два дня занял Камышин. С этого места начинается поворотный пункт в истории Пугачевщины. Оставив в тылу полыхавшую восстанием область, Пугачев свернул на Дон, в надежде поднять донское войско. Несмотря на первоначальный успех его надежды оказались здесь ошибочными. Изданный им манифест к казачеству не нашел там отклика. Из Камышина пугачевцы двинулись тремя колоннами по рекам — Медведице, Хопру и Иловли. Кой-какие казацкие отряды приставали к восставшим, но основная масса войска не высказывала намерения ввязываться в борьбу. Выступившие из Царицына правительственные войска были разбиты вблизи Дубовки. Эта победа ободрила Пугачева, как и последовавшее затем присоединение калмыков. Опасаясь оставлять в тылу укрепленный Царицын, Пугачев решил взять его. Узнав об этом, тамошние власти двинули против повстанцев отряд под командой полковника Кутейкина. Встреча произошла на реке Мечетной и правительстве[н]ые войска были разбиты, при чем часть казаков перебежала в лагерь Пугачева, а остальные укрылись за стенами Царицына. 21-го августа повстанцы подошли к укреплениям и после бомбардировки пытались овладеть городом, но были отбиты. То был первый город на Волге, от которого Пугачеву пришлось отступить, не взяв его. Наступил роковой перелом в ходе волжской кампании. К Царицыну со всех сторон спешили

правительственные войска, кольцо сжималось все теснее и Пугачеву пришлось подумать о собственном спасении.

Обрушившиеся на помещичье дворянство удары вынудили правительство к принятию чрезвычайных мер в деле усмирения народного восстания. Граф Петр Панин был назначен главнокомандующим огромной армии, действовавшей против Пугачева. Затянувшаяся война с Турцией была закончена и Екатерина облегченно вздохнула, получив в свое распоряжение новые войска, переброшенные на внутренний фронт, куда был послан уже прославившийся в это время генерал Суворов. Весь государственный механизм был мобилизован и поставлен на стражу трона монархии и прав помещиков. В обширном районе от Нижнего Новгорода до Царицынских степей началась истребительная война.

X.

Ликвидация Пугачева.

Неудача в районе Донского войска побудила Пугачева вернуться к Волге и здесь искать выхода из создавшегося положения. Таковых существовало только два. Сам Пугачев видимо мечтал пробраться с остатком своего отряда на Кубань. Окружавшие его яицкие казаки были против этого. Их тянуло на родину. Но вопрос дальнейшей тактики не был еще разрешен, как повстанцы были застигнуты у Саль-

никова завода Михельсоном и 24-го августа окончательно разбиты. Помимо огромного количества убитыми и пленными, Пугачев потерял всю свою артиллерию. Погиб в этом бою и его ближайший советник атаман Овчинников. Однако захватить Пугачева Михельсону не удалось. С небольшим отрядом яицких казаков и крестьян он успел переправиться через Волгу на луговую сторону. Последнее поражение подействовало самым деморализующим образом на уцелевших повстанцев. Беглецы очутились в чрезвычайно трудных условиях, не было у них даже хлеба. Весь обоз погиб при отступлении. Окончательно потеряв надежду на успех восстания, яицкие казаки начали подумывать о спасении собственных животов ценою предательства Пугачева. Эту мысль впервые в тесном кругу высказал «председатель коллегии» Иван Творогов. Его сообщники с этим согласились. От первых слов не трудно было перейти к заговору с целью ареста Пугачева и выдачи его правительству Екатерины. Когда блуждание по степи стало всем невмоготу, Пугачев предложил снова повернуть к Волге, но казаки наотрез отказались это сделать, предлагая итти на Узень и пробиваться на Яик. Так как в отряде крестьяне были преданы Пугачеву и могли помешать осуществлению заговора, казаки прежде всего постарались от них отделаться, лишив их коней. С большим трудом беглецы добрались до Узени, где казаки привели в исполнение свой умысел. После короткого сопротивления Пугачев был схвачен, доставлен в Уральск и 14-го сентя-

бря предан в руки правительства. Его сейчас же забили «в превеликую колодку», а потом прибавили ручные и ножные кандалы. Карьера императора Петра III закончилась.

Велико было ликование Екатерины и ее присных дворян и помещиков по получении радостной вести из Уральска. Теперь между генералами началась форменная склока за обладание пленным Пугачевым. Каждому из них хотелось заполучить добычу в свои руки. По распоряжению главнокомандующего графа Панина пленник был помещен в железную клетку и доставлен в Симбирск. Там сиятельный граф не смог отказать себе в удовольствии собственоручно избить Пугачева по лицу. Из Симбирска его в той же клетке доставили в Москву, где передали в распоряжение знаменитого пыточных дел мастера Шешковского.

Монетный двор в Москве помещался на том месте, где ныне находится Охотный ряд. Здесь для Пугачева отделали специальный дом, где он содержался до казни. В декабре начался суд, вынесший в начале января приговор Пугачеву и его сообщникам. «Пугачева, гласил он, четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех местах сжечь. Перфильева четвертовать, Шигаева, Подурова, Топоркова повесить в Москве, а Чику-Зарубина отвезти в Уфу, отсечь голову и взоткнуть ее на кол для всенародного зрелища, а труп его сжечь с эшафотом купно».

Арест Пугачева.

(Рисунск художника Шуберта).

Казнь Пугачева была назначена на 10-е января 1775 г. Совершилась она на Болоте, а не на Красной площади, как пишут некоторые историки. Весь народ московский вышел посмотреть на это зрелище. С Охотного до Каменного моста медленно двигались сани с высоким помостом на котором стоял закованный Пугачев, державший в руках две зажженные восковые свечи. На эшафоте ему и Перфильеву долго читали приговор. Окружавшие эшафот дворяне уже приготовились любоваться зрелищем мук четвертуемого Пугачева, но... случилось нечто неожиданное. Мужик-палач собственной властью изменил приговор, в последний раз засвидетельствовав свою симпатию к мужицкому царю. Мгновенным ударом топора он обезглавил Пугачева, проделав процедуру четвертования уже на мертвом теле. «Богу уже известно, каким образом, это случилось», записал очевидец.

Мужественно погиб в Уфе и Чика-Зарубин.

На следующий день был об'явлен высочайший указ о помиловании всех казаков, предавших Пугачева. Все они были сосланы на жительство в Ригу.

15-го января в Москву торжественно в'ехала Екатерина II. Еще вчера трепетавшая за свою судьбу, она ознаменовала свое пребывание в первопрестольной рядом блестящих празднеств. Нужно же было чем-либо заглушить удары топора 10-го января на Болоте.

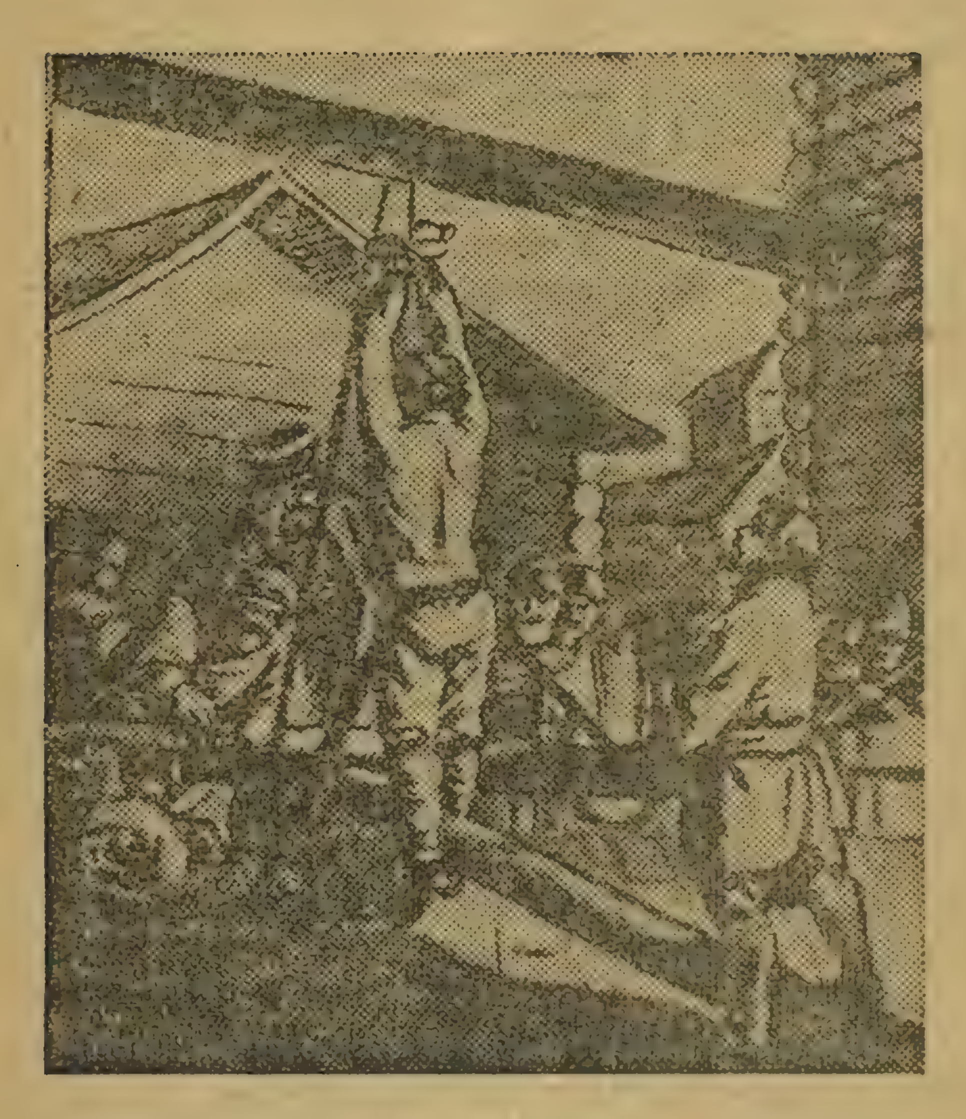
XI.

Поражение восстания.

Если взять район мятежа в современных географических границах, то помимо Урала и Башкирии он распространился на губернии: Нижегородскую, Казанскую, Пензенскую, Симбирскую, Тамбовскую, Саратовскую и Воронежскую. В этом обширном районе по официальным данным не было села, где восстание не дало бы себя знать. И тем не менее оно было подавлено с такими жестокостями, перед которыми бледнеет все то, что крестьяне творили над помещиками. Десятки тысяч крестьян были убиты или казнены самым варварским образом. По сообщению очевидца Рычкова в Башкирии «одних растыкали по кольям, других повесили ребром за крюки, некоторых четвертовали. Остальных человек до тысячи **простили** (!!), отрезав им носы и уши». Эти башкирские методы наказания и довольно своеобразной милости применялись во всем районе восстания. Под ударами топоров и плетей крестьянство «каялось» и возвращалось под господское ярмо. На всем пространстве между Уралом, Волгой и Камой бывшие хозяева возвращались в свои разоренные хоромы, следуя за победным шествием императорских войск по вчера еще мятежным полям. Чем же об'ясняется эта победа монархии над столь бурно развивавшимся восстанием? В силу каких причин Пугачовщина потерпела столь жестокое поражение? Ответы на эти вопросы следует искать в составе как тогдашнего русского обще-

ства, так и действовавших сил восстания. Но прежде всего следует установить, что же собственно представляла из себя сама Пугачевщина? Основываясь на ряде происшедших разгромов заводов на Урале, некоторые историки склонны видеть в Пугачевщине чуть-ли не реакционное движение, стремившееся уничтожить зачатки фабрично-заводской промышленности. В действительности это было далеко не так. Разрушение заводов производилось, главным образом, кочевниками, никакого отношения к заводскому труду не имевшими. Если в этих разрушениях иногда и принимали участие и рабочие, то происходило это исключительно из ненависти к владельцам. Теперь даже трудно представить себе чего только не делали они с уральскими рабочими в ту эпоху. При заводах существовали собственные тюрьмы и застенки. На Невянском заводе Демидова были найдены тайники, где оказались скелеты, прикованные к стене цепями. Вот в этих-то условиях труда и следует искать причину разгрома некоторых заводов. Мысль о реакционной сущности восстания должна быть отвергнута. Оно было безусловно прогрессивным явлением, восстанием, даже войной народных масс против гнета крепостного права. Но почему же это исторически прогрессивное движение пало под ударами реакционной монархии?

Тогдашнее русское общество состояло из двух основных классов—дворян-помещиков и крестьян-крепостных. Хотя русская буржуазия уже тогда в хозяйственной жизни страны играла видную роль,



Наказание кнутом.

(Со старинной гравюры Тильяра).

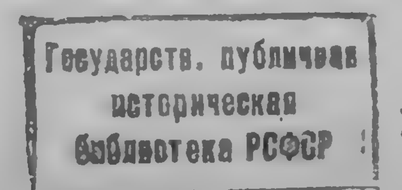
ее значение как фактора политической борьбы было ничтожно. Она совершенно не была в состоянии играть руководящую роль в деле борьбы за политическое раскрепощение страны, как это имело место в том же периоде в странах западной Европы. Крестьянство было предоставлено собственным силам в борьбе с организованной дворянско-помещичьей монархией. Но в самом стане восставших не все было благополучно. Здесь наравне с обездоленным крепостным крестьянином, боровшимся против рабства, мы видим свободных казаков, сражавшихся против самой петербургской государственности. Наконец, здесь же мы встречаем массы инородцев—башкир, калмыков, киргиз—всех тех, кого Россия завоевала мечом. Им совсем не было дела до внутренней тяжбы русского народа. Они стремились использовать восстание в целях отрыва от России и русских. В то время как восставшие крестьяне разоряли помещичьи экономии, инородцы громили хозяйства всех вообще русских. Пугачеву и его сподвижникам приходилось принимать решительные меры против них. Таким образом, разный социальный и национальный состав явился первопричиной поражения движения, неодухотворенного общепонятным, ярко выраженным политическим содержанием. Разные участники восстания думали о разном. Так, башкирская армия покинула Пугачева под Казанью едва он перешел Волгу, т.-е. ушел в чуждую для них область.

Мы уже говорили о роли уральских рабочих в первом периоде восстания. Это они, главным образом,

снабжали повстанцев оружием. По мере того, как восстание перебрасывалось на Волгу, оно удалялось от своей главной базы снабжения, пока совсем лишилось его. И если в первый период артиллерия повстанцев часто глушила противника, то этого далеко нельзя сказать о втором периоде. К этим причинам поражения следует прибавить поворот во внешней политике монархии, выразившийся в заключении мира с Турцией 10-го июля 1774 года, т.-е. в самый разгар восстания. Войска, действовавшие у Черного моря, легко были переброшены против повстанцев.

Вот основные причины поражения Пугачевщины. Меньше всего здесь играли роль те или иные черты в характере самого Пугачева. На всем своем протяжении движение это разросталось стихийно, как вода из прорвавшейся плотины. Прогрессивные формы развития всегда с большим трудом прокладывали себе дорогу в человеческом обществе. Так случилось и на этот раз. Попытка народа снять с себя позорные цепи рабства разбилась о твердыню государства. Не раз крестьянство потом обращалось к излюбленному методу—мятежу в поисках выхода из своего тяжелого положения и не раз оно терпело поражение.

Но дело, начатое в глубине седой старины, все-таки завершилось победой тех, кто во дни Пугачевщины погибал на Волге и Каме.



ОГЛАВЛЕНИЕ